

84(2)00-Р/16 К
М 52

ЛЕОНИД МЕРЗЛИКИН
ПОКЛОН

8/11-

14/02-

24/08.

4/08-18

28/14 302

6 июня 2009 года.

На торжественной церемонии
открытия памятника поэту
Леониду Семёновичу Мерзликину
в городе Новоалтайске
(перед зданием Центральной
городской библиотеки).

Слева направо:

автор памятника поэту
скульптор Николай Викторович Звонков,
глава администрации города
Владимир Ильич Иванов,
вдова Леонида Семёновича
Тамара Ивановна Мерзликина,
глава города
Александр Васильевич Иванченко.

84(280с.Фх)6к

М 52

12+

ОКр.

Леонид
МЕРЗЛИКИН

Поклон

Избранные
стихотворения

-91210-
155

Муниципальное учреждение
культуры г. Новоалтайска
"Центральная городская
библиотека
имени Л. С. Мерзликина"

Барнаул
2010

ББК 84 (2Рос-Рус) 6-5
М - 521

*Генеральный партнёр выпуска книги –
администрация города Новоалтайска.*

*Издание посвящается 75-летию
замечательного поэта
Леонида Семёновича Мерзликина.*

**Главный редактор –
В. Е. Тихонов**

Редакционная коллегия:
художественный редактор –
А. А. Карпов,
редактор-рецензент –
С. Е. Клошников,
редактор-составитель –
Н. А. Ягодинцева,
выпускающий редактор –
О. В. Тихонова.

Л. С. Мерзликин
Поклон: Избранные стихотворения. – Барнаул,
ЛПФ «Август», № 44, 2010 г., 152 стр., 1000 экз.

ISBN $\frac{978-5-98550-054-7}{978-5-98550-141-4}$

© Л. С. Мерзликин.
© ЛПФ «Август».

ПОЭТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Л. С. МЕРЗЛИКИНА: ВОСТРЕБОВАННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Обращаясь к поэтическому наследию Леонида Семёновича Мерзликина, мы должны начать прежде всего разговор об огромном и совершенно особенном русском мире, в котором поэзия – голос души, речь сердца. Это может быть плач или победная песнь, юмористическое повествование или неторопливая дума... Суть поэзии остаётся неизменной: прямая речь, обращённая к самому себе, другим людям, окружающему миру, Богу. В русской поэзии собеседником может быть и само пространство бытия, внимательно вслушивающееся в звучащее слово и отвечающее на понятном поэту языке.

*Блудным сыном древнего сказанья,
Жертвою скитаний и дорог
Я пришёл к тебе на покаянье,
Позабитый всеми уголок.*

*И стою, как будто бы нездешний,
До кровинки здешний человек...
Улетели птицы из скворечни.
Скоро ночь. А ночью будет снег.*

Два аспекта большого разговора о замечательном сибирском поэте – востребованность его творчества и перспективы изучения – требуют прикосновения и к теме поэзии вообще: что она такое, почему и зачем существует вопреки обыденности, экономической выгоде, прочей прагматике. И здесь необходим краткий культурологический экскурс. К сожалению, сегодня уже недостаточно просто внимать и сопереживать поэзии: состояние культуры таково, что приходится говорить о значении поэзии на языке науки и доказывать, что это не столько особая форма речи и не искусство жонглирования словами, сколько особое, глубокое переживание человеком своего единства с миром.

В русской культуре глубоко укоренено понимание того, что человек существует в огромном и сложно организованном мире, Универсуме. Он не один – он соседствует с другими людьми, с животными и растениями, с самой землёй,

с небом и звёздами. С этим миром человек составляет онтологическое единство, поддерживает постоянную и обоюдную связь, духовную и экзистенциальную.

С одной стороны, эта культурная модель чрезвычайно устойчива: она предполагает, что мир, в который мы приходим, не хаотичен, не агрессивен по отношению к нам – мы рождаемся по колоссальной космической необходимости. И значит, всегда можем найти поддержку и опору в трудных ситуациях. С другой стороны, понимание сложной упорядоченности мира накладывает на человека существенные ограничения и обязательства, как и в любом общем бытии. Человек обязан соответствовать своему высшему призванию, самим фактом своего существования призван быть строителем и хранителем, а не грабителем и разбойником...

*Травинка моя всхожая,
Росинка моя Русь,
Чего же я, чего же я
Никак не разберусь?*

*И я живу затеями,
И я не без того.
Зачем мы просо сеяли?
Чтоб вытоптать его?..*

*...Стою, дышу прокуренно
Под тенью у куста.
И мать глядит прищуренно
С могильного креста.*

В поэзии единство личности и Универсума является априорным и лежит в основе непосредственного переживания поэта. Поэзия своими средствами стремится воссоздать идеальное состояние соразмерности, гармонию целостного мира и целостной личности как основополагающую характеристику прекрасного. Поэзия формулирует словами это состояние единства, состояние максимальной открытости и даёт возможность участникам поэтического общения пережить чувство своей сопричастности Миру. Особую роль в этом связующем переживании играет слово: оно является целостным, неделимым, в него вкладывается вся сила человеческой души. Звучание, значение и действие в поэтическом

слове слиты воедино. Здесь невозможна ложь и явно предощущается истина.

В рамках поэтического дискурса слово становится посредником, вестником, оно определяет и связывает материально-вещное и идеально-духовное в единое целое. Элементы в поэтическом образе преломляются друг через друга и взаимно друг друга пронизывают, вызывая в сознании взрыв разнородных ассоциаций, структурно образующих целостное впечатление. В поэтическом образе преодолевается трагический разрыв между материей и смыслом; по ту сторону условности обнаруживается безусловность.

Поэтическое сознание всегда стремится к установлению связей между различными явлениями и по-особому осмысливает действительность, одушевляя и олицетворяя явления и силы природы, выявляя их общие свойства, сближая различные объекты по принципам смежности в пространстве и времени и по вторичным чувственным признакам. Таким образом, поэзия обладает особой способностью превращения хаоса в космос и создаёт возможность постижения мира как некоего организованного целого. В силу этого возможно говорить об особом поэтическом моделировании реальности, «высвечивании» и возведении в гармоническое сочетание с другими элементами жизни тех сторон бытия личности в цельном и целостном мире, которые недостаточно осмыслены и освоены общей культурой, то есть об эктропической направленности поэзии, её организирующем и структурирующем воздействии на личность, на человеческий мир в целом. Это актуально не только для самого поэта, но и для всех участников поэтического общения. Поэт (и сопереживающий читатель!) в прямом смысле становится точкой схождения глобальных смыслов бытия, личностью, знаком Универсума.

Поэзия формирует особые надличностные коллективные ценности, образы и идеалы, которые выходят за рамки наличного существования людей и смыкаются с вечностью, способствуя национальной и культурной самоидентификации личности. Человек определяет себя по отношению к другим людям, исходя из максимально возможного соотношения: «я» и Мир.

В душе поэта жизнь легко становится песней. Музыка речи добавляет к словам и образам лад – особенное со-

звучие человека с другими людьми, с миром, с иными мирами. А то, что становится песней, уже не канет в Лету, не исчезнет бесследно: когда к песне прикаснётся сердцем другой человек, она снова наполнится любовью, горечью, тихой радостью или яростным гневом... Это есть в поэзии каждого народа – но лад каждого народа уникален, неповторим, и его сохранение – это залог сохранения самого народа.

Русская культура по своей природе языкоцентрична, слово является в ней тем цементом, который скрепляет материальное и духовное, реальное и идеальное. Если эта скрепа будет удалена, мы будем иметь дело с совершенно иной культурой (мутантом), если она, конечно, выживет. Поэтому поэзию можно назвать кропотливым трудом собирания человека и мира в гармоничное единство. История доказывает, что каждый раз, когда Россия оказывается в кризисной ситуации, она обращается к своему золотому запасу – к литературе, к поэзии. Поэты же, наиболее отчётливо проявляющие именно национальный характер, национальный лад, становятся колоссально востребованы в те периоды истории, когда народ выходит из кризиса, когда он начинает искать внутренние духовные резервы для своего развития.

Во всемирной своей отзывчивости, в открытости и детской очарованности всем иноземным за двадцатый век мы многое растеряли из золотого запаса собственной культуры. Постоянно догоняя прогресс (в технике, торговле, общественных отношениях), мы существуем сегодня в каком-то странном мире, где родного, кровного принято чуть ли не стыдиться. Это родное объявляется то дремучей провинциальностью, то воинствующим национализмом. Мы изо всех сил приспособляемся к иной культуре, иным традициям, иным видениям и чувствам – то это Запад, то это Восток, то оба сразу в своей несовместимости... Рвутся корни, трещат жилы, уходят в небытие потерянные поколения!.. И только поэты по-прежнему пытаются собой соединить несоединимое, понять, что происходит, и сохранить родину в пространстве собственной души. Одним из таких пронзительно русских, глубоко искренних народных певцов является поэт Леонид Мерзликин.

*Дальней мечтой не мечтаю,
К ближним делам не спешу.
Маки цветут – расцветаю,
Дышат деревья – дышу...*

В свете вышеприведённых размышлений значение его творчества переоценить трудно. Это воистину русский национальный характер, особый русский лад с миром, который должен быть особенно востребован именно сейчас, когда вопрос сохранения государствообразующей нации достиг такой остроты, что рассматривается в стране на самом высоком уровне.

Востребованность поэзии Л. Мерзликина, как и современной русской поэзии в целом, – вопрос непростой. С одной стороны, именно поэзия, как ничто иное, даёт колоссальный резерв психических сил для преодоления кризиса и личности, и общества. И этот резерв нужен нам сейчас как воздух. С другой стороны, поэзия как духовный труд требует усилий от человека, а сегодня уже требует понимания и самой необходимости этих усилий. «Не позволяй душе лениться», – сказал Николай Заболоцкий, переживший не менее трагические коллизии первой половины XX века. «Бери от жизни всё» – лозунг, абсолютно противопоставленный духовному труду, создающему из человека личность, ответственную за своё существование в Мире.

Вот почему, говоря о востребованности поэзии, мы должны говорить сегодня прежде всего о необходимости воспитания особого отношения к жизни, об умении переживать происходящее во всей полноте и чувствовать смысл своего существования не только в городе, стране, мире, но и в самом Мироздании. Эта тема – выход в пространство Мироздания – находит глубокое лирическое воплощение в поэме Л. Мерзликина «Млечный путь», в которой взгляд поэта поднимается от довольно простой житейской ситуации, от воспоминаний детства через нравственные максимы – к звёздам, к тому молоку, которое разлито над нашими головами...

*Я даже руку протянул
И вверх ладошкой повернул.
Но мир безмолвный до тоски
Сдавил мне горло и виски...
А мне бы только полглотка,
Но нет на небе молока.*

В финале поэмы взгляд поэта возвращается на землю, где мера всех вещей – сам человек, его дела и мысли... Но мера вещей – человек, а Мера человеческой души – Мир. Незримое присутствие Мира как Меры ощущается во многих мерзлякинских стихотворениях. Космическая Мера пока ещё велика для человека, она вызывает в душе смятение и тревогу, но она же и заставляет его неустанно, порой мучительно искать высшей красоты, высшей справедливости, высшей истины здесь, на русской земле, в неустроенном быте, взвихренном времени, в ежедневности встреч и расставаний.

Говоря о востребованности поэзии Леонида Мерзлякина, мы должны говорить о возвращении к крестьянским корням, кровным связям с миром природы, к особой философии русского человека, о которой много писали и пели в XIX веке Кольцов и Суриков, в начале XX века – Есенин, Клюев, Клычков, Орешин, позднее – Николай Тряпкин, Николай Рубцов... Эта линия в русской литературе, к счастью, неистребима, но она постоянно подвергается критике, зачастую отрицается сама естественная необходимость её.

Сегодня как никогда мы остро испытываем необходимость жить в мире с природой, насылающей страшные катаклизмы, мы жаждем понимания и доверия, мы хотим осознать и утвердить собственную уникальность среди других уникальных народных культур и философий, преодолеть, наконец, комплекс вины и неполноценности, который нам внушается под любым возможным предлогом. И на самом деле равносильно чуду, после всех катастроф и реформ, после соревнований с Западом и мучительных прививок чужой культуры, – открыть книгу своего современника и прочесть:

*Над тайгою блескуче и зыбко
Выплывает звезда, словно рыбка.*

*Час, другой – и от края до края
Их уж плещется целая стая.*

*А потом как-то так, незаметно,
Звёзды высыплют густо, несметно.*

*Сотни сотен. Пегасы и Лиры,
Альфы, беты и всякие дыры –*

*Можно спятить! И, точкой мерцая,
Где-то мчится планета земная.*

*А на ней, на единственной в мире,
Есть Сибирь и посёлок в Сибири*

*И костёр возле старой протоки,
На доске чешуя и молоки,*

*И уха в котелке закипает,
И июльский рассвет наступает...*

Этот текст сразу начинает звучать сам, он словно и не предназначен для бумаги, он мгновенно расправляется, наполняясь музыкой, как ветром парус... В поэтической речи слиты воедино звучание, значение и действие, следовательно, философия выплавлена в обыденную жизнь, и этот сибирский рыбак (лирический герой стихотворения) все поступки свои совершает, памятуя о звёздах, об ином масштабе бытия, об иных мерках и мерах нашей жизни...

Трудно (пожалуй, невозможно) найти образ, объединяющий стихи Л. Мерзликина, потому что река его речи течёт так же, как и река жизни – прихотливо и непредсказуемо. Каждое мгновение, каждый разговор, каждая встреча могут легко стать – и становятся – стихотворениями, а когда их читаешь, они с той же лёгкостью воскрешают русский мир, русский быт, жизнь русского сердца.

*Пошли предзимние дожди,
Всё потемнело и отволгло,
Погоды солнечной не жди –
Она и так стояла долго.*

*Купаясь в ласковых лучах,
Не думал ты про дни иные,
Но не печалься. И в дождях
Свои есть прелести земные...*

*...На взёме около ДК
Ревут машины с тяжким грузом,
У полинявшего ларька
Вдруг опахнёт тебя арбузом.*

*Невольно ты прищуришь глаз,
Вдохнёшь до нежной, сладкой боли,
Как будто только что сейчас
Несли арбуз и раскололи.*

Одним из направлений изучения творчества Л. Мерзликina должен стать философский пласт – в его разнообразных преломлениях через современные реалии бытия и быта. Центральная идея русской крестьянской философии, нашедшей своё отражение и развитие в философии русского космизма, – предстояние человека перед Миром как целым. Это философия космической ответственности человека за происходящее на земле.

В отличие от философии потребления, в моделях которой существование человека катастрофично и конечно, философия ответственности перед Миром, перед Богом не катастрофична, она гармонично вписывает нас в окружающий мир, ограничивая и постепенно упорядочивая хаос. Она, по сути, определяет потенциальный масштаб личности человека и бесконечные возможности его развития, соединяет с родной землёй, природой, вечностью. Именно эта философия сегодня является колоссально востребованной во всём мире, поскольку вызовы времени становятся всё жёстче, а социальные и природные катаклизмы – всё сокрушительнее. Всё больше человек становится расхитителем и разрушителем, и всё более яростно и непредсказуемо сопротивляется человеческому насилию природа.

Философия ответственности особенно важна как направление воспитания молодого поколения, дезориентированного культом потребления, но инстинктивно ищущего жизнеспособные и жизнеутверждающие истины. В творчестве Л. Мерзликina философия воспринимается не отвлечённо и абстрактно, а живо и действенно.

Исследователей поэтического наследия Л. Мерзликina, безусловно, должны заинтересовать и лингвистические особенности его поэзии. Его песенный строй обладает рядом уникальных черт, мелодии стихов удивительно разнообразны и в то же время кровно родственны народным

мелодиям. Ему равно под силу и короткая строка со сквозными созвучиями, и длинная балладная строка, требующая глубокого дыхания. В своих произведениях он поднимает целый пласт народной речи и сам, естественно, становится языктворцем. Легко, словно сами собой, рождаются и звучат слова: «прибагрянилась», «вьюжево», «небо отзвездилось», и поэту веришь: да, эти слова живут в крестьянском обиходе, а если не живут, то могут войти в него легко и естественно, как родные, свои.

*То ли по-над озером
Роца прибагрянилась,
То ли перед зеркалом
Женщина румянилась?*

*В озеро ли, в зеркало,
Та гадала, эта ли,
Той ли, этой думалось,
Чтоб скорей приметили?*

*Ах, зачем печалиться?
Прикатил он вскорости,
Да в певучих саночках,
Да на мягкой полости!*

*К женщине ли, к роце ли,
Молодец ли, ветер ли?
Чьи-то руки наскоро
Чьи-то слёзы вытерли.*

*Плат на землю сбросила,
Стынешь, оробелая...
Белое ли вьюжево,
Седина ли белая?*

Такая лёгкость словотворчества возможна только при глубоком природном чувстве языка, знании или интуитивном ощущении его смысловых законов и музыкальных основ. Сейчас новые лексические пласты в русском языке складываются преимущественно двумя способами: либо из заимствованных вместе с техническими новинками иностранных терминов, либо из сокращений и аббревиатур, вызванных к жизни социальными переменами.

Мы с горечью констатируем, что трагически безвозвратно утрачивается музыкальный смысл речи, тот её пласт, который определяет степень уникальности конкретной национальной гармонии. Этим разрушительным процессам способны противостоять только истинно национальные поэты, в чьём творчестве возрождается родниковая чистота речи и новые слова не разрушают общей мелодии, а вносят в неё новые краски.

В отношении различных аспектов поэтической формы Л. Мерзликин, к счастью, весьма несовременен. К счастью – потому что современные массовые тенденции в развитии поэтических форм настораживают, во многом они противоречат традиции и даже впрямую разрушают её. Среди подобных тенденций можно назвать в первую очередь повышенное внимание к рифме, в угоду которой уходит в сторону или искажается мысль, стремление к ярким образам, становящимся самоцелью текста, к рискованным метафорам, зачастую работающим в ущерб цельности стихотворения. Это тенденции, характерные преимущественно для молодого поколения российских поэтов. Они сформировались в ситуации угнетения традиции, под активным влиянием западной поэзии, у которой своя традиция, несколько иная система ценностей (вполне соответствующих собственной культурной модели). И дело здесь не в том, чья культура и традиция лучше, а в том, в каких условиях существует и развивается каждый конкретный народ – дело в органичности природных, исторических, философских и практически-бытовых основ.

Сегодня, к сожалению, у молодых поэтическая мысль развивается зачастую в ущерб и синтаксису, и семантике, и логике. А ведь мышление напрямую проецируется в практику. Словесный хаос неизбежно порождает внутреннюю агрессию, которая выплёскивается в различных эпатажных формах. И это расплата за пренебрежение собственным культурным опытом, за следование чужим традициям, сложившимся и действующим в совершенно иной ситуации.

Леонид Мерзликин – наш современник, современник штормовых девяностых, его поэтический опыт в этом смысле

уникален и достоин внимательного изучения. Обращает на себя внимание то, что он зачастую легко жертвует частностями – но только во имя целого, не допуская небрежного отношения к слову. Например, он может выстраивать простейшие созвучия «мечтаю – расцветаю», «спешу – дышу», которые в современной поэзии воспринимаются уже на уровне самопародии. Но эти рифмы звучат в стихотворении органично, они мягко ведут мысль поэта, сохраняя её непрерывность и музыкальность. Рядом с этими бесхитростными созвучиями поэт демонстрирует высочайшее мастерство сквозной рифмовки – панторифм. И читатель уже на уровне созвучий воспринимает многообразие и целостность родного языка, родного русского мира:

*Возле автобазы –
МАЗы. Два.
Шофёры лазают.
– Привет, братва!
(Дорожная пьеса)*

Очевидно, что поэт не подчинён рифме и не властвует над ней – он сотрудничает с языком, а подобное сотрудничество создаёт естественную мелодию, простота которой напоминает простоту чистой воды, бездонной и прозрачной.

Тематически стихотворения Л. Мерзликина чрезвычайно разнообразны. И это ещё одно направление изучения его творчества. Вся многосторонняя, широко распахнутая жизнь русского человека отразилась в поэзии нашего сибирского современника. Жизнь и смерть, любовь и отчаяние, юмор и пафос – всё переплетается тесно, неразделимо, так же, как и в реальной жизни. Но вот что удивительно: ни одно стихотворение не сводимо к обобщению, к морали – все финалы открыты в переживание, мысль чувствует, а чувство мыслит, и это признак истинно, глубоко поэтического ощущения. Традиционный вопрос: что хотел сказать автор? – здесь абсолютно неприменим. Что сказалось – то сказалось, и едва ли получится дайджест, усреднённый пересказ. Это просто нужно пережить, и тогда в тебе откроется что-то новое, родится иное отношение к миру, как в стихотворении «Тайные черты»:

*Реальнее, чем ты,
Нет женщин, врать не буду.
Но тайные черты
Живут в тебе и встоду.*

*Черты той борозды,
Что там за бороздою,
Черты и смысл звезды
Над омутной водою.*

*Черты и знак кольца
(Утешусь ли я в знаке?),
Черты и жизнь лица,
Неясного во мраке.*

*Черты далёких крыш,
Туман по осокорю...
А ты мне говоришь,
А я с тобой не спорю.*

Это и есть реализация философии космизма, в которой одно из центральных понятий – переживание, состояние, а главное мерило – качество состояния. Состояние может быть высоким, и тогда человек ощущает своё бытие на уровне Мироздания. Состояние может быть низким – когда человек замкнут на своих сугубо эгоистических потребностях: выживания, пропитания, размножения и наслаждения.

В каждом стихотворении Л. Мерзликин стремится воссоздать высокое состояние с самого низа: из бытовых ситуаций погоды, общения с другими людьми, воспоминаний и прочего. Это задача, достойная большого поэта. Она предполагает владение широкой палитрой интонаций – от пафосных до юмористических. И то, и другое в его стихотворениях присутствует. Их нельзя разбирать на уровне школьных понятий, поскольку надо уметь чувствовать их и сопереживать им. А значит, необходимо развивать духовный потенциал юного читателя, чтобы он в мире творчества Л. Мерзликина сумел увидеть свой внутренний мир, его богатство и силу.

В данном предисловии мы обратили внимание на четыре основных, на наш взгляд, направления при изучении творчества большого сибирского поэта Леонида Мерзликина.

Это, во-первых, философская, мировоззренческая основа его творчества. Во-вторых, лексическое богатство и словотворчество. В-третьих, разнообразие поэтических форм. В-четвёртых, культура высоких поэтических состояний. Перечисленные направления – это только начальные научные подходы к его творческому наследию. Несомненно, дальнейшая перспектива откроет новые направления и новые темы для исследований, она позволит глубже осознать и полнее освоить поэтические открытия нашего современника.

Искусство поэзии – искусство создания высоких смыслов нашего бытия. Сегодня Россия снова на подъёме. И прежде всего это подъём духа народа. Только потом следуют экономика, политика, новые культурные свершения. Мы должны быть благодарны Богу, Родине, судьбе, что в самые непростые времена приходят и надолго остаются с нами такие русские поэты, как Леонид Мерзликин. Это наш золотой запас, духовный стабилизационный фонд нации.

*Нина ЯГОДИНЦЕВА,
кандидат культурологии,
член Союза писателей России,
г. Челябинск.*

У дороги чуть колышется
Пожелтевшая трава.
Издалёка песня слышится,
Разобрать нельзя слова.

То прихлынет, ахнет благостно,
То замрёт, едва слышна...
Что ты, песня, так нерадостна,
Так томительно грустна?

Подною тебе вполголоса,
Что про что, не знаю сам.
Паутина тоньше волоса
Измоталась по ветрам.

Я далёк ещё от хворости,
Всё моё в моём краю,
Но, когда поют от горести,
Я, смеясь, не запою.

За рекой зарница пыхнула.
Ходит-бродит листвою.
Песня, песня, ты затихнула,
А я всё живу тобой.

Лишь восток затеплился, занялся,
Сразу небо стало голубей.
Вижу я: опять уже поднялся
Мой сосед, любитель голубей.

Майка грудь обтягивает туго.
Мой сосед шестнадцати годов.
Он свистит раскатисто, упруго.
Сам лететь за птицами готов.

Крыши, копны, озеро рябое,
Сосен освещённые стволы.
До чего же небо голубое!
До чего же голуби белы!

- 91210 -

Муниципальное учреждение
культуры г. Новоалтайска
"Центральная городская
библиотека
имени Л. С. Мерзликина"

Черпну ладошкой воду из ручья,
Плесну в лицо – и знобая острада.
Протру глаза: боярка, ты откуда?
Сорока белобая, ты чья?

А этот пень? Вы знаете его?
А этот гриб в мохнатеньком берете?
Он нынче появился на рассвете,
И вы не возразили ничего.

А я для вас, для жителей лесных –
Боярка, пень, сорока-белобая,
Мохнатый гриб, – я лишняя морока.
Вам дел хватает собственных своих.

Зато без вас я горестен и нем.
Я говорю вам это не впервые.
Любимые, хорошие, родные,
Скажите – кто я, что я и зачем?

Сорока – фыр-р! – и сполохом в кустах.
Боярка брови хмурит, недодрога.
И пень молчит. И гриб, склонясь немного,
Запирал слово в сомкнутых устах.

Ну что ж, мои молчальники, добро!
Я смысл постигнул вашего молчанья.
Мол, человек ушёл от одичанья,
Но алчет в нём звериное нутро.

Гляжу в себя и верю не совсем.
Точней, не верю. Жизнь не так жестока.
Боярка, пень, сорока-белобая,
Скажите – кто я, что я и зачем?

Мне, как язычнику какому,
Свои отрадны божества.
Молюсь туману голубому,
Что загустел едва-едва;

Тропе, сбегаящей со склона,
Ветле, склонённой над водой.
Туман, тропа, речное лоно,
Ветла. И я. И козодой.

Я обниму ветлу сырую:
– Прощай, голубушка-ветла,
Я никогда не обворую
И не убью из-за угла.

И крикнет птица над излукой.
А может быть, не козодой?
Но кто же мне перед разлукой
Кричит так жутко над водой?

ИЗ КОМАНДИРОВКИ

Небо отзвездилось крупно,
Мелкой звездой изошло.
Тёмными избами купно
Встало на взгорье село.

Едем по белой дороге.
Избы всё ближе. И вот
Меж тополей, как в чертоге,
Газик блаженно гудёт.

Выпрыгнул. Лают собаки.
Я огородом бреду.
Дремлют недвижные маки.
Дыни лежат на виду.

Я открываю воротца.
Боров сопит у плетня.
Старый Полкан от колодца
Пляшет, встречая меня.

Прежде чем торкнуться в сени,
Я прислонюсь к косяку.
Длинные тянутся тени
По мураве и песку.

Окна зияют прохладно,
К стёклам прилипла герань.
Ах, как легко и отратно
В эту рассветную рань!

Дальней мечтой не мечтаю,
К ближним делам не спешу.
Маки цветут – расцветаю,
Дышат деревья – дышу...

На поля, где узкая дорога
Пролегла, сверкая при луне,
Ты глядишь печальная немного,
Вспомнила, наверно, обо мне.

А в углу наряженная ёлка,
А твой муж сегодня тамада.
Ёлка, ёлка – тёмная иголка,
Наверху стеклянная звезда.

Вдруг «Ура!» – и гости повставали.
«За хозяйку!» – рюмки у бровей.
Погляди, звезда твоя не та ли,
От Большой Медведицы правей?

С неба звёзд хватать я не умею,
Что в упрёк не ставлю сам себе.
Просто любоваться буду ею,
Просто буду думать о тебе...

Волосы в пышном узле
Пахли, светились, дышали...
Верю: на этой земле
Нет неутешной печали,

Нет неизбежной беды,
Слёз неизливных от горя.
Слёзы – они из воды.
Что они, слёзы, для моря?

Волосы в пышном узле.
Можно, я их поцелую?
Не принесёт на крыле
Ворон нам весть роковую.

Милые сердцу черты,
Глаз твоих тёплая шалость...
Есть только я, только ты
Да небольшая усталость.

КЕДР

Плывут облака надо мною,
Цепляясь за кроны дерев.
К стволу прислоняюсь спиною,
На кочку сухую присев.

И шурюсь, взволнованный тем я,
Что слышу дыхание недр.
Я слышу, как прёт из-под земья,
Гудит, воздымается кедр!

Могуч от корня, вековечен
До самой макушки вразбег.
Да будет к нему человекен,
Да ценит его человек!

Ах, как эти ветви нависли!
Какое величье – гляди!
Но тень набегает на мысли,
Я знаю, что ждёт впереди.

Я глажу корявую кору...
Мой милый разлапистый кедр,
Богатство своё без разбору
Ты даришь, и ласков, и щедр,

Гудишь и шумишь в поднебесье,
А рухнешь в смятенье ветвей,
Обидно – одно мелколесье
Взойдёт над могилой твоей...

Петуший крик. Падучая звезда.
И над ручьём развесистая ива.
И ты греховна тем, что ты счастлива...
А под мосточком катится вода.

Глаза в глаза – и горе не беда,
И грех не грех. Прости её, Всевышний.
Она и я. А ты тут третий лишний.
А под мосточком катится вода...

Куда бежит, торопится куда?
А над землёй рассветное брожение,
А в голове приятное кружение,
А под мосточком катится вода...

Уже росу не держит лебеда.
Уже заря таить себя не в силах.
Четыре локтя зябнут на перилах...
А под мосточком катится вода.

Любовь моя, была ли ты когда?
Иль о тебе мне ночь наговорила,
Наворожили шаткие перила?..
А под мосточком катится вода.

ДОМОЙ!

В какую сторону ни езд,
В какие дали ни летай,
А где-то ночью на разъезде
Иль днём в гостиничном подъезде
Услышишь слово про Алтай...

И вдруг тебя как бы окатит
Волной горячей!.. Боже мой!..
Потом тоска такая схватит!..
– Наколесился, – скажешь, – хватит!
Пора бы, паря, и домой!

Домой, домой! И вот уж снова
Мотор ревёт, мотор гудит.
А ты представишь, как корова
Стоит, крупна, рыжеголова,
У загородки и мычит.

Зажмурься. Сядь в своё сиденье
Поглубже. Жди. Она вот-вот
Твоё заметит угощенье,
Шагнёт и нежно, сквозь пыхтенье
С ладони корочку слизнёт...

ЗАРЯ ПЫЛАЕТ

Заря пылает на воде,
Комар танчится*,
И никакой со мной беде
Не приключиться.
Хотя с разбега я в зарю
Себя зарюю,
В заре я этой не сгорю,
Заря – зарёю.
Я и в воде не утону,
Вода-водичка,
Нырять и мерить глубину –
Моя привычка.
И без подводной тишины,
Без кочек в тине
Мне не постигнуть вышины
Небесной сини.
А тополиные верха,
Как на картинке.
А я саженками – ха-ха!
А я на спинке!..
На бугорке невдалеке
Собака лает.
На чистой Талице-реке
Заря пылает.

* Танчится – крутится, вертится, суетится (местный диалект. – Прим. автора).

ПЛЫТЬ!

Вовсю кузнечики трещали,
Трава стояла висока,
И ничего не предвещали
На синем небе облака.

И всё ж накаркала кедровка,
Наверещала, как назло:
Рванула мокрая низовка,
И помутилось, и пошло!

Выл ветер, дик и неумерен,
Трава моталась под дождём!..
И я был к ночи не уверен,
Что это лихо переждём.

А волны – испуганное стадо,
Слепая, яростная пруть.
И если было бы не надо,
Но приказали: надо плыть.

Хоть приказали осторожно,
Но как-то сразу понял я:
Плыть! И другого нам не можно.
Плыть! И другого нам нельзя.

И мы спасли (он был геолог)
Аппендицитника того,
Мы отвезли к врачам в посёлок
И там оставили его.

Нет, мы не думали о смерти,
Ни о его, ни о своей,
Потом уж, пьяные как черти,
Заговорили вдруг о ней.

Не зря с друзьями был затронут
Такой вопрос. Всю ночь с двумя
Я даже спорил, что не тонут
Здесь трупы – плавают стоймя.

– Плашмя!.. – мне двое говорили.
– Стоймя!.. – Я злился и кричал.
И волны, загнанные в мыле,
Катились, бухали в причал...

ПОСЕВНАЯ

В поле ночное гляньте-ка –
Это ли не романтика?

Гул да фары слепящие,
Звёзды, с неба летящие...

Трактор на взгорье тужится,
Пыль за спиною кружится.

Кружится трактор во поле,
Лишь бы сев не прохлопали,

Лишь бы справились до света,
Пусть наглotalись досыта.

Много ли пыли, мало ли, –
Звёзды по речке плавали.

Звёзды тонули, таяли.
Мы собрались за сваями.

В майской холодной роздыми
Вымыли руки звёздами.

Светает или смеркается?
Идём, а воздух качается.

Пахнет кострами дымными,
Пахнет первыми ливнями.

Шумит тополина у клуба,
А в клубе – чуть набок берет –
Дарует билеты нам Люба
(По двадцать копеек билет).

У Любы улыбчивы губы,
У Любы загар на щеке,
Ещё золотое у Любы
Колечко на правой руке.

Прошли мы и сели где нужно,
И вот уже в зале темно.
Механик с помощником дружно
Арабское крутят кино.

Мы что? (За любовную слякоть
Артистов не будем корить.)
Бабёнкам охота поплакать,
А нам, мужикам, покурить.

Две серии – это не шутка.
Мы кучкой идём на крыльцо.
На озере крикает утка,
Прохлада ласкает лицо.

Зарницы дрожат над землёю,
И кто-то во тьме говорит:
– Дождя бы... – И в бочку с водою
Горящий окурок летит.

СЛОВО

Я не беснуюсь, не кричу,
Я не бандитствую с нахрапу.
Молчу. Я сотни лет молчу,
Молчу, посасывая лапу.

Молчу, как ветер гулевой,
Молчу, как окрик на морозе.
Я в небо ткнулся головой,
Остался пятками в навозе.

Моё молчанье, как дыра
На зипуне у Пугачёва,
Как взмах, как отблеск топора,
Удар! – и горлом хлынет слово.

И тело медленно сведёт,
Кольнут последние мурашки.
А слово встанет и пойдёт,
Закосолапит без рубашки.

Не станет сил ни у кого
Его отдать на истязанье.
И будет страшен крик его,
И будет радостно признание.

Николаю Черкасову

Берёзы по кромочке поля
Сквозную раскинули вязь...
Поедем на родину, Коля,
Она нас давно заждалась.

Поедем. Ну что ты, ей-богу?
Хотя бы денёк погостим.
Сбирайся, собирайся в дорогу
За детством далёким своим.

Не там ли, за тем окоёмом
(Ты только зажмурься сильней),
Девчонка стоит перед домом,
В ограду скликает гусей.

Какие виденья ни пестуй,
Куда-то сквозь годы гребя, —
Уже синеглазой невестой
Зовёт не гусей, а тебя.

А ты ни словца не напишешь,
А ты и не помнишь давно.
Прислушайся, Коля. Ты слышишь,
Как дождик стучится в окно?

Куда и какая недоля
Его погнала через грязь?..
Поедем на родину, Коля,
Она нас давно заждалась.

Я мучиться больше не в силе,
Поедем к заветным местам.
А вдруг если здесь мы гостили?
Да — именно здесь, а не там?

Лёгкая курчавая волна
На валун прибрежный набежала,
Ахнула, прильнула и опала
И стекла ручьями с валуна.

А за нею новая, и – ах! –
Тот же вздох и отступ на полшага,
Та же опадающая влага
На песок, желтеющий в ногах.

Много их к подножью валуна
Пало – волн. Стоит себе, покатый.
И валун ни в чём не виноватый,
И волна в поступках не вольна.

Милая, ты тоже как волна.
Ты лепечешь, кудри поправляя,
Где она, какая там другая?
Я ослеп. Ты только лишь одна.

Ах, прильни, дыханье затая,
И не исчезай, как наважденье!
Для чего набег твой и паденье?
Для кого незыблемость моя?

Женщины у баньки веники вязали,
Веники вязали, парочкой низали.

И текла беседа – за словом словечко,
Как ручей под яром – за кольцом колечко.

Вдруг одна со смехом весело сказала:
– Гляньте-ка, какой я веничек связала!

Этот я отдельно где-нибудь повешу.
Вот уже я в баньке мужа-то потешу.

Веничком попарю да за всю обиду
Отхлещу по правде, не подам и виду!

Женщины смеялись. Плыл туман над лугом.
Через мост бежали кони друг за другом,

Серые, гnedые. Гривы на отлёте.
Небеса темнели с краю в позолоте.

Лебеда у баньки реденькая чахла.
И по всей ограде вениками пахло.

Та же самая дорога,
Те же самые места,
Но незримая тревога
Встала около куста,

Словно кто-то локтем сбоку
Подтолкнул меня слегка.
И гляжу я на забочку,
На завалы ветляка.

Неужели заплутался,
Греза клёвом и ухой?
Кто-то в листьях зашептался,
Хрустнул веткою сухой,

Кто-то глянул исподлобья.
Где же я? Ага, ага!..
Тянет дымом из Приобья,
Дремлют тёмные стога.

Надо ж так! Какой я всё же!
Вон ведь старая ветла!
По её корявой коже
Плесень давняя легла.

До Черёмухова лога
Тут какая-то верста...
Та же самая дорога,
Те же самые места.

БУНТАРИ

Ступал на скрипучие плахи
В холщовой рубахе бунтарь.
Крестились на церковь монахи,
И ногти рассматривал царь.

Ещё не обсохло точило,
Взлетела секира, и – хрясь! –
От плеч голова отскочила,
Скатилась в осеннюю грязь.

И ахнул народ у подмостка,
Платок у бабёнки в горсти,
И в спину толкают подростка:
«А ну-ка, сопля, пропусти!»

Заляпаны глиной колёса,
И мерин от ветра продрог,
Ярьжка с лилового носа
Слизнул налетевший снежок.

Пустеет широкая площадь,
На крышах сидят снегири.
Ночною дорогой на ощупь
Идут по лесам бунтари.

Их плечи одеты в овчины,
Кричит на рубахе петух,
Качается возле крушины
Заломленный набок треух.

И кто-то поёт на поляне
В глухом необжитом краю:
«Помру, и никто не вспоманет
Бунтарскую душу мою...»

Убежала, скрипнула
Резвым сапожком.
Сыплет небо хмурое
Меленьким снежком.

Проводил до пряселок,
Воротился в дом.
Утро начинается
Снова да ладом.

Окна леденёлые,
Надо печь топить,
В комнатах прибраться бы
И чайку попить.

Никакой трагедии.
Побыла – ушла.
Разве что заколочка –
На краю стола.

Ах, сколько пролито воды
На этот мир, на эту землю!
Ещё не скоро до беды,
Ещё я смех, твой смех приемлю.

Ещё гляжу я – и опять
С ума сведут твои оплечья,
Ещё могу к себе привлечь я
И целовать их, целовать.

Ах, сколько пролито воды
На этот мир, на эту землю!
Ещё не скоро до беды,
Ещё я шёпот твой приемлю.

А дождь расхлёстывает грязь,
Кусты скребутся у окошек,
Взобьёшь подушки ты в горошек,
Кивнёшь, ко мне оборотясь.

Ах, сколько пролито воды
На этот мир, на эту землю!
Ещё не скоро до беды,
Ещё я стон, твой стон приемлю.

Плывёт, клубится дым волос,
Щека горячая, как лето.
И ты раскаешься. Но это
Ещё сладчайшие из слёз.

Лошади протопали.
Трактор отчихал.
За прудом на тополе
Месяц отдыхал.

Уточка прокрякала
Много раз подряд.
Крякала, как плакала, –
Кликала утят.

И затихла серая.
Небеса темны.
В них глядел я, веруя
В благо тишины.

У плеча, у темени
Вились комары.
Тишина – до времени,
Время – до поры.

Это что так народ обмирает?
Это что так толшится народ?
Возле Старого рынка играет
На гармошке слепой и поёт.

Жестяная помятая кружка
У ступенек стоит на краю,
Наклонилась седая старушка,
Опустила монетку свою.

Я берет надвигаю на брови,
По карманам ищу – ни шиша!
Ощущаю, как где-то до крови
Изворочалась в теле душа.

Вспомнил детство с дымящею плошкой
И до дырок проскобленный стол,
Чугунок закопченный с картошкой
И дерюгою устланный пол.

А гармошка колотится в стонах,
Бельмы пусто глядят из-под век...
Отойди, в милицейских погонах,
Не мешай, молодой человек!

ПРОВОДА

Сближая меж собою города,
Селенья меж собой соединяя,
Пульсируют под током провода,
Как бы система нервная земная.

Во все края, в любую даль страны
Плывут они друг друга продолженьем,
И в дождь, и в снег – всегда обнажены,
И день, и ночь – всегда под напряженьем.

Гулкий мост, голубая река,
Тепловозный гудок, отголоски,
И плывут по-над яром берёзки,
И прощальная машет рука.

Мост отпрянул, отстал за окном,
Скрылся яр. А навстречу берёзки.
Нет, не те. Просто-напросто тёзки.
Те и эти в наряде одном.

Набегали копёшки, валки,
Я глядел – на закатной полоске
Вновь берёзки, берёзки, берёзки,
Но не видно прощальной руки...

Заалет неба кромка,
Рыкнет трактор у межи,
Ты сперва земле негромко
«Утро доброе!» скажи.

Поклонись и с добрым сердцем
Принимайся за труды.
В полдень сладко над ведрцем
Выпить кружечку воды!

Далеко чернеет поле,
Свищет птаха у ручья.
И гуляет на раздолье
Слава добрая твоя.

К ночи дым – наплывом белым.
Спи спокойно до утра.
И к земле ты с добрым делом,
И земля к тебе добра.

Сквозь соломенное ложе
И дощатый редкий щит
У земли – ты чуеть? – тоже
Сердце, кажется, стучит.

Ну что тебе, к примеру, эта
Лесная птаха? Пусть поёт.
А эта кипень синецвета,
Что над колодою плывёт?

Цветы – не хлеб. И птаха та же –
Не первотёлок. Но зачем
В каком-то, чёрт возьми, кураже
Ты издеваешься над всем?

Земные связи разрушая,
Ты всё готов губить с корня.
А жизнь – она ведь небольшая
И у тебя, и у меня.

Ах, откровения минуты!
Ты постарайся их обрести,
И опадут, поверь мне, путы,
Всё станет дорого как есть:

И лес, и ветхая колода,
И птаха с пробелью крыла,
И синецвет, каким природа
Его однажды создала.

В обновочках свежих
Девчонки у клуба.
А мы из приезжих,
А мы – лесорубы.

Мы в двери заходим,
Плечами поводим,
На круг приглашаем
При всём при народе.

Ребята из местных
Косятся, известно.
Какого, мол, чёрта?
Какого, мол, сорта?

А нам не до ссоры,
А нам станцевать бы,
Уедем мы скоро,
Справляйте тут свадьбы.

На тропках-дорожках
Оленьи копыта,
У нас на ладошках
Смола не отмыта.

Бригада, бригада,
Бригада что надо!
В ней нету таких,
Чтобы с первого взгляда.

На травах на росных
Полночная птица.
А всё же в трёх соснах
Легко заблудиться.

А всё же в девчонку
Нельзя не влюбиться...

ОРЁЛ

Он торопился стать крылатым.
Он рос. Он рвался напролом.
И вот на горе всем пернатым
Огромным вымахал орлом.

Грудаст, с округлыми бровями,
Упав на жертву сквозь ветра,
Любил он гнутыми когтями
Посеять выюгу из пера.

И он не знал, что значит жалость,
За исключением, когда
К нему подруга прижималась
В ночные злые холода.

Он не считал врагов сражённых.
Не ведал хищник и того,
Что где-то реяла в знамёнах
Тень распростёртая его.

Но вот однажды в час полудня
Орёл почувал: всё, конец –
Не смог поймать зайчишку-шутня,
Из-под когтей сбежал, подлец.

Сидел орёл. Внизу дымился,
Стихая медленно, обвал.
К чему, орёл, ты так стремился?
Что в дикой злобе утверждал?

Сидел орёл. Зрачки пустые.
Крыло большое, в полскалы.
А в небе плыли молодые
С гортанным клёкотом орлы.

То ли по-над озером
Роща прибагрянилась,
То ли перед зеркалом
Женщина румянилась?

В озеро ли, в зеркало,
Та гадала, эта ли,
Той ли, этой думалось,
Чтоб скорей приметили?

Ах, зачем печалиться?
Прикатил он вскорости,
Да в певучих саночках,
Да на мягкой полости!

К женщине ли, к роще ли,
Молодец ли, ветер ли?
Чьи-то руки наскоро
Чьи-то слёзы вытерли.

Плат на землю сбросила,
Стынешь, оробелая...
Белое ли выюжево,
Седина ли белая?

ПОРТРЕТ

Т. Г.

Про себя я не знаю: поэт, не поэт?
Я – чудак, для меня это ныне открытие.
Ох, какой я чудак! Взял газетный портрет
И повесил над койкой в своём общежитии.

Я не верил в любовь. А теперь, как лоза,
Раскачалось неверие... Что же я делаю?
А портрет как портрет, и глаза как глаза,
Только пряди повиты косынкою белою.

Может быть, я не ту затеваю игру.
Но скажите дороге, а там хоть от Нарвской,
Я вот эти стихи запою на ветру
И махну напрямиком по тайге до Хабаровска.

Бейте, ветки, в лицо!.. Осыпайся, куржак!..
Исчезайте, тропинки!.. Упрёка не брошу я,
Мол, зачем же вы, кедры, упрятали так
Далеко от меня и такую хорошую.

За верстою верста, за верстою верста...
Всё тайга да снега, насыпные, тяжёлые...
Я не знал, что такое, друзья, красота,
А теперь ухожу, потому что нашёл её!

И пускай обо мне говорят за глаза,
Дескать, вот сумасшедший... Ну что я поделаю?
... А портрет как портрет. И глаза как глаза.
Только пряди повиты косынкою белою.

Проскрипит кошева полозьями,
Упадут ошметки с копыт..
На присыпанной снегом озими
Бородач в лапотках стоит.

Грудь бугром, полушубок по ветру,
Из-под шапки глаза в упор.
– Ты куда, бородач?
– Я по миру.
– А зачем под полой топор?

Улыбались мы с ним под елями,
Подавал он ладошку: – На!
А потом в кошеве летели мы,
И светила в висок луна.

Городами летели, сёлами,
Мимо кладбищ, мимо кустов...
Нам с подкряхтом рубили головы
И не ставили нам крестов.

И в июльском лесу, лишь загодя
Прибеги и раздвинь сучки,
Кровенеет отравы-ягода –
Будто наши злые зрачки.

ТАЙНЫЕ ЧЕРТЫ

Реальнее, чем ты,
Нет женщин, врать не буду,
Но тайные черты
Живут в тебе и всюду.

Черты той борозды,
Что там за бороздою,
Черты и смысл звезды
Над омутной водою.

Черты и знак кольца
(Утешусь ли я в знаке?),
Черты и жизнь лица,
Неясного во мраке.

Черты далёких крыш,
Туман по осокорю...
А ты мне говоришь,
А я с тобой не спорю.

Летний дождь по селу, будто всадник
Проскакал – голубы повода.
И открыл я окно в палисадник,
И услышал, как каплет вода.

Жук усатенький полз по заплоту,
Чуть качался намокший укроп.
Вдруг какая-то птица с разлёту
По стеклу по оконному – хлоп!

Воробей! Ая-яй! Обознался:
Думал, в створке-то нету стекла,
Култыхнулся, но мигом поднялся,
И его унесли два крыла.

Стёкла, стёкла... Люблю вас, ей-богу.
Сколько раз при вечернем огне
Золотёну мою, недотрогу
Предавали в открытую мне!

В мыслях реяли подвиги, слава!..
Я бродил меж высотных домов,
И сияли церква ясноглаво
Под раскат реактивных громов.

И теперь, когда много заклёкло
Тут, в груди, всё равно я люблю.
Я люблю вас по-новому, стёкла,
Никому так любить не велью.

И металл, и бетон вы одели –
Вы пронзили их сутью своей.
В вашей яркой сплошной карусели
Иногда я как тот воробей:

Ударяюсь – а кто-то хохочет,
Поднимаюсь – стоят за углом...
Я люблю – аж душа кровотоцит,
Вся изрезана острым стеклом.

РОДИНКА

Синяя и стылая
Сутемень в окне.
Не печалься, милая,
Сядь сюда ко мне.

Пряно пахнут волосы,
Крашенные хной.
Что нам чьи-то возгласы,
Топот за стеной?

У тебя вон родинка
Справа за ушком –
Мелкая смородинка,
Крытая пушком.

Тёмная, красивая,
И не на виду.
Ты ли не счастливая
На своём роду?

Светишься от нежности,
Дрогнула серьга.
Нам с тобой до снежности,
Может, полшага.

А пока – зазиминка.
И люблюсь я:
Родинка, родиминка,
Ягодка моя...

ДОРОЖНАЯ ПЬЕСА

Возле автобазы –

МАЗы. Два.

Шофёры лазают.

– Привет, братва!

Ко мне обернулся,

Заросший весь.

– Курить, – улыбнулся, – есть?

– Есть.

И я сигарету

Даю, как дарю.

– Папирос нету?

– Нет, – говорю.

Чардаш Монти

В мозгу моём.

– До Бийска возьмёте?

– Чего ж? Возьмём.

Действие первое.

Первый акт.

Выматывает нервы

Солтонский тракт.

Врюхались. Знаем –

Взопрет МАЗ.

Бога вспоминаем.

Р-раз!

Р-раз! – И лезем.

Выползли. Эх!

Глаза – лезвием.

Анекдоты. Смех.

Действие второе.
На взъёме – стоп!
– А что такое? –
Морщиною лоб.

Шофёр направо
Кивает: «Глянь».
Сосна кудрявая.
За ней елань.

А на елани
Обелиск.
– Круглов тут Ваня
Разбился вдрызг...

Едем молча,
А день угас,
И темень волчья
Ползёт на нас.

Фары шарят
Перед грозой,
Два МАЗа шшарят
В ночи сырой.

Шофёр – мужчина
За сорок лет.
Мерцает щетина.
Сед.

Крутнул не для шика.
Держись!
И так, поди-ка,
Всю жизнь.

Действие третье.
Я уснул.
Легко, заметьте,
Уснуть под гул.

Снится мне, други:
Прихлынул бор.
Птичий в округе
Хор.

На курьих ножках
Избушка стоит,
А на порожках
Царевна сидит.

Туфель модерный,
Гвоздь – каблукочок.
На груди у царевны
Комсомольский значок.

Действие четвёртое.
Бийск. Вокзал.
– Ни пуха!
– К чёрту! – я
В ответ сказал.

Шофёр – мужчина
За сорок лет.
Мерцает щетина.
Сед.

Обмен адресами.
– Заходи когда...
Где-то над лесами
Взошла звезда.

Бензопилой дрова пилили,
Мотор трещал на всё село.
Из дужи тут же воду пили
Цыплята, жмурясь весело.

Сияло солнце, и козлёнок,
Бодаясь, прыгал у ведра,
И лоскуты сырых пелёнок
Свисали низко со шнура.

Топорик молнией блескучей
Взлетал и падал. И мужик,
Широколапый и дремучий,
Бил колотушкой – гык да гык!

Летели щепки на дорогу.
А я в стороночке сидел
И думал: «Так вот понемногу
Наш бор заречный изредел.

И газ и нефть иссякнут тоже,
Но в том прогресса торжество.
Когда бы ни было, а всё же
Зажжётся антивещество.

Какая мощь, какая сила
Того грядущего огня!»
Но вдруг меня как бы прошло –
Ведь это будет без меня.

Пила умолкла. Тонкий провод
Сверкал, качаясь над трубой.
Ах, до чего ж козлёнок молод!
Как пахнут щепки, боже мой!

Над тайгой блескуче и зыбко
Выплывает звезда, словно рыбка.

Час, другой – и от края до края
Их уж плещется целая стая.

А потом как-то так, незаметно,
Звёзды высыпая густо, несметно.

Сотни сотен. Пегасы и Лиры,
Альфы, беты и всякие дыры –

Можно спянуть! И, точкой мерца,
Где-то мчится планета земная.

А на ней, на единственной в мире,
Есть Сибирь и посёлок в Сибири

И костёр возле старой протоки,
На доске чешуя и молоки,

И уха в котелке закипает,
И июльский рассвет наступает...

Заперты киоски и лабазы,
Лестница трухой заметена.
В опустелом тереме турбазы
Я стою, читая письмамена.

На стене дощатой так и эдак
В тайном ожидании любви
Девушки кому-то напоследок
Имена оставили свои.

А в углу конфетные бумажки,
А на подоконнике стакан,
А в стакане белые ромашки
С горных отцветающих полян.

Я гляжу в открытое окошко.
Шелестят деревья и кусты.
Между них песчаная дорожка
К озеру сбегает с высоты.

Озеро спокойно и дремотно,
Горы величавы и тихи,
И ложатся на душу охотно
Первые осенние стихи.

МЁРТВОЕ ОЗЕРО

Километры туда, километры сюда
Тяжело и дремотно простёрлась вода.

И ни лодки, ни чаек нигде не видать,
Необжитые скалы. Пустынная гладь.

В непомерных глубинах темно и темно...
Много страшных легенд утянуло на дно!

Их едва ли кто помнит, поскольку они
Родились в очень давние, смутные дни.

Я закрою глаза (то ли грезится мне?),
Вижу будто бы город на илистом дне.

Золочёные храмы. Остатки колонн.
Ни единой души. Всё мертво испокон.

Нет уж, как свои грёзы любви не люби, –
Костенеть не хотел бы я в этой глуби.

Да и здесь, на поверхности, что мне искать?
Необжитые скалы. Пустынная гладь.

Если даже на камень волна набежит,
Всё мертво: и волна, и прибрежный гранит...

Так зачем же, зачем же гляжу я туда,
Где тлетворным исчадьем дымится вода?

Мне бы лодку-долблёнку – была не была!
Мне бы в руки да два да ветловых весла!

Поплыву, уплыву, забазланю: «Агу-у!..»
Только кто меня встретит на том берегу?

ВОРОН

И плещется в ноги пшеница.
И дышит земля горячо.
И ворон, угрюмая птица,
Садится ко мне на плечо.

Он к этому с детства приучен,
Ручной, необлётанный властью,
Он всюду со мной неразлучен,
И я ему – высшая власть.

Сидит на плече и моргает,
Нахохлился, клювом ведёт.
Он, видимо, всех презирает,
Меня одного признаёт.

Не крикнет сородичу в поле,
Пустынно взирает вокруг.
Прости, что ты вырос в неволе,
Неласковый, вещей мой друг.

Ты мне не изменишь, я знаю.
С тобой нам гроза – не гроза.
Зачем же я вдруг закрываю,
Рукой заслоняю глаза?

Ах, ворон! Быть может, дорогой
Паду я, поверженный ниц,
Не трогай, не трогай, не трогай,
Не рви мне глаза из глазниц...

ПРЕДЗИМЬЕ

Заморозки сильные,
Но ещё не жмёт.
Забереги синие,
Но ещё не лёд.

Вот когда он наростью
Тяжелей свинца!
А пока он радостью –
Вместо леденца.

А пока он краешки
Только оковал.
Надевал я варежки,
Шапку надевал.

Я спешил не на люди,
А к воде – туда,
Где у самой наледи
Плещется вода.

Волнушки уломные,
Гусь кричит: «Га-га».
За рекой поёмные
Стелются луга.

А по сограм дроздушка
Весело свистит.
На реке морозушка
Мостики мостит.

ГЛАДИАТОРЫ

Стоим и дышим тяжело,
Кольшпугаются лопатки.
Нам в этот раз не повезло:
Мечи сломались, как назло,
У самой рукоятки.

Мы за кинжалы – и стопа
Тверда, и виснут брови.
А над ареною толпа
Ревёт, от ярости слепа,
Ревёт и жаждет крови.

Полшага. Шаг. Ещё чуть-чуть.
А мы с тобою оба
Из тех краёв, где рожь по грудь,
Где синеокая взглянуть
Умеет до озноба.

Довольно, раб! Кончай меня!
Режь римлянам в угоду!
Я рухну, почву кровеня, –
И ты проси у них коня,
Доспехи и свободу.

Проси коня, скачи домой,
Спеши для разговора,
Мол, я при войске и живой,
К тому же в славе боевой,
И свадьба будет скоро.

Мол, от невесты без ума.
Она меня, хмельного,
Укрыла бережно сама
Травой высокой. Ни холма,
Ни камня гробового.

Лишь по утрам тумана дым,
Лежу, смежив ресницы.
А за рекою Древний Рим,
И по булыжным мостовым
Грохочут колесницы.

К земле спиною прирастая,
Лежу я тих и недвижим.
Мне хорошо. А суть простая –
Живу под небом голубым,

Живу себе, пока живётся,
Лежу в траве на берегу,
Сияет солнце, коршун вьётся,
И мышка прячется в стогу.

За синий лес, за синие излуки,
Наверно, так же грустно, как в кино,
Я увожу заломленные руки
И лоб горячий, вдавленный в окно.

А ты осталась там, где тополина
На привокзальный свесилась настил.
Прости меня за то, что я мужчина,
А я тебя, как женщину, простил.

Придѣшь домой, сними меня со стенки
И изорви на мелкие клочки.
Я тихо упаду в твои коленки,
Безжизненные выкатив зрачки.

К тебе стучат. Ты кофту застегнула,
Бежишь, про всё на свете позабыв.
Ты убери, смахни меня со стула:
Пришелец твой дотошен и ревнив.

Сожги меня, но только, умоляю,
Не заматай, как мусор, в уголок.
Бегут столбы по кромочке, по краю,
В траву уткнулся мордою телок.

Я так устал. Потухла папироса.
Мне в прожитом не надо ничего.
Оно плашмя упало под колѣса.
А может быть, и не было его.

ДОРОГА

Дорога, дорога, дорога...
Снежок опушил провода.
На палец от маковки стога
Хвостатая пала звезда...

Земля моя, жаль вековая,
До крохи моя сторона!
Не знаю, кому и какая,
А мне вот такая дана:

В сосновом убранстве, в сугробах,
С ресницами, полными снов,
Немало она крутолобых
И крепких взрастила сынов.

Далёко до стольного града.
И Русь им отпущена тут.
Они за неё, если надо,
И смертную чашу испьют.

Вилась бы вот эта дорога,
Висели б вон те провода...
По тёмному небу полого
Опять просверкнула звезда.

Бежит кобылёнка Звездана,
Берёт за сугробом сугроб,
От роду звездой осиянна –
Во весь пропечатана лоб.

Поэтому так и назвали.
А вот и на взгорке погост.
В глубокой и скорбной печали
Десятки там крапёных звёзд.

А вот и родимый посёлок,
И первые в окнах огни.
Как звёздочки блещут меж ёлок,
Мелькают и пляшут они.

Побойся, Звезданушка, Бога!
Куда разбежалась, куда?
Дорога, дорога, дорога...
Снежок опушил провода...

Пошли предзимние дожди,
Всё потемнело и отволгло,
Погоды солнечной не жди,
Она и так стояла долго.

Купаясь в ласковых лучах,
Не думал ты про дни иные,
Но не печалься. И в дождях
Свои есть прелести земные.

Лица коснулся мокрый лист
И отлетел куда-то тут же.
Под заунывный ветра свист
Порою чувствуется глубже.

Вдруг невзначай в себе самом,
В душе своей найдёшь местечко,
Где, как ни странно, этот дом,
И тополина, и крылечко.

На взёме около ДК
Ревут машины с тяжким грузом.
У полинявшего ларька
Вдруг опахнёт тебя арбузом.

Невольно ты прищуришь глаз,
Вдохнёшь до нежной, сладкой боли,
Как будто только что сейчас
Несли арбуз и раскололи.

КРУТОЯРЫ

Ты один у меня, мой земной уголок
С крутоярами синими, с тихими плёсами.
В эту осень к тебе я обратиться не смог
Ни пешком с батожком, никакими колёсами.

У тебя там давно ежевичник отцвёл,
Одуванчик-растрёпыш осыпался на воду...
Не по мне ли берёзы лопочут у сёл?
Не по мне ли кудлатые плачут взаправду?

Лишь закрою глаза – и пошло, и пошло...
Обступают и треплют намокшими ветками,
И роса по одежде моей тяжело
Ударяется каплями крупными, редкими.

Лишь закрою глаза – и навстречу большак.
Вижу – степь большаком-кушаком перехвачена.
Без меня нынче шастает ветер-степняк.
Без меня на токах всё зерно пролопачено.

Лишь закрою глаза – и снуют воробьи
В конопляниках рыжих, у скирд скособоченных,
И порхают, кружа, будто годы мои,
Будто годы, забытые там – на обочинах.

Их не взять, не поднять, не засунуть в мешок,
Потому и дороже становится прежнее.
Ты один у меня, мой земной уголок,
Для тебя уберёг я всё самое нежное.

Ты один у меня, мой земной уголок.
Где бы я ни шлутал, а по правилу старому –
Ты один у меня на распутье дорог,
Все четыре дороги к тебе, крутоярому!

Я, наверно, не скоро домой ворочусь.
Я приеду тогда, когда, в крике и зуде,
Одуревший от солнца, испачканный гусь
Искушается в первой весенней запруде.

Я сойду с полустанка, зажмурюсь на миг...
Захолонуло сердце. Стою. Ну чего же я?
Засмеюсь и пойду по грязи напрямик,
Пусть вослед удивлённо глазуют прохожие.

Я свои сапоги обобью о порог.
Здравствуй, давность моя! Здравствуй, юность безусая!
Ты один у меня, мой земной уголок.
Я вернулся обратно. Ты слышишь? Вернулся я!

Ты один у меня, мой земной уголок.
Где бы я ни плутал, а по правилу старому –
Ты один у меня на распутье дорог,
Все четыре дороги к тебе, крутоярому.

БЕРЛОГА

Ища по запахам дорогу,
Почуяв смертную тоску,
Он ковылял в свою берлогу,
И рана хлопала в боку.

Трещал под лапами валежник,
Медведь стонал, как человек.
А по тайге зацвёл подснежник,
Как будто новый выпал снег.

Медведь стонал, а в нос горячий
Шибало терпкою смолой,
А за спиною лай собачий,
И шум погони за спиной.

Но не страшна медведю пуля,
И на собак ему чихать.
Лопатки старые сутуля,
Он брёл в берлогу подыхать.

А шум погони ближе, ближе!..
Медведь поднялся, встал к сосне
И заревел – большой и рыжий –
В родной берложьей стороне!..

Он услышал дыханье пёсье.
Берданки ствол в кустах блеснул.
Медведь насупил переносье,
Навстречу выстрелу шагнул...

Я глаза просмотрел, ожидая тебя,
Я стою у чугунных ворот.
Надо мною фонарь, голубым голубя,
Паутину плетёт и плетёт.

А в саду за воротами мраморный лев
Воздымается гордо и зло.
Намело ему снегу в разинутый зев,
В буйну гриву ему намело.

Неподвижные бельмы пусты и пусты,
В грозных скулах мертво и мертво.
А не он ли стонал от твоей красоты?
Ты не слышала стонов его.

Ты не знала, насколько печаль глубока,
Ты грозила мизинчиком: «У-у!»
И брала его за уши, словно телка,
И садилась на спину ему.

Чуял каменным сердцем прикованный зверь:
Быть беде. И средь белого дня
Я однажды увёл тебя прочь, а теперь
Чую сам – обокрали меня.

Бьют на башне часы. Поредели шаги.
От обиды, от холода ль дрожь?
Мы сегодня с гривастым враги – не враги,
Мы скорее союзники. Что ж?

Перелезу ограду и след проложу
Я к нему сквозь убродистый снег.
– Дай-ка лапу мне, хищник, – я тихо скажу, –
Безъязыкий ты мой человек.

Приглашу его в гости, достану вина,
Будем пить за здоровье своё.
Но последний стакан пододвину я: «На, –
И добавлю: – Давай за неё».

Жизнь отпущена нам небольшая.
Что прошло и туман позакрыл,
Вспоминаем порой, украшая.
Помню, раньше отец говорил:

– Поглядишь на дорогу в окошко,
Там коровы из стада прошли,
И от вымени следом дорожка...
А?.. В четыре соска по пыли.

А в другое-то глянешь – из речки
Рыба прыгает прямо в ведро,
Глянешь в третье – затоплены печки,
Пахнет щами, аж ёкнет нутро...

Говорил и смеялся при этом:
– А? Не верите? Где вам сейчас! –
Он в душе был, наверно, поэтом
И не мог обойтись без прикрас.

Говорил, вспоминал то, что мило,
То, что дымкой закрыли года.
Нам дороже всегда то, что было
И чего не вернуть никогда.

Урчит машина за увалом,
Вот-вот – и выползет она,
Лучом зари, косым и алым,
Во всё стекло освещена.

Шофёр сощурился и клонет,
Слегка нажав на тормоза,
Потрёт ладошкой глаза
И самокрутку влево сплонет.

А мы с братаном у столба,
Братан кепчоночку со лба:
– Эй, дядя! Нам бы до бригады! –
У дяди крашена губа.

И мы увидим – это баба.
– Чего торчите? – заорёт.
– Садитесь, ну! – И как-то слабо,
По-женски дверцу отопрёт.

Ругать нас будет бригадир,
Что мы явились позже срока...
Всю жизнь мы едем издалёка,
Из той войны – и в этот мир...

А кому тут, на промыслах, сладко?
Общежитий «весёлая жись»
Обернётся порою так гадко,
Так жестоко, что только держись.

Так ворвётся однажды, сминая,
Сокрушая душевный покой,
Что ты весь содрогнёшься, не зная,
Заслониться ль, отбиться рукой.

Твои двери (конечно же, навыв)
Кто-то вышиб могутным плечом,
Спёр часы и подушку вдобавок
Для остратки пырнул финачом.

В облаченье трико и сандалий
Ты присел на расхристанный стул.
Край суровых, болотистых далей
В первый раз вдруг тебя колебнул.

За окошком морозно и снежно,
Скоро час новогодний пробьёт,
И Чайковского музыка нежно
Коридором, стихая, плывёт.

И проносятся спутники в небе,
И несметные звёзды кишат,
И на тумбочке – слышишь? – на хлебе
Тараканы усами шуршат.

Тень от птичьего крыла.
Лошадь гложет удила.
Целый год мы не видались.
Как, разлапистый, дела?

Вижу, вижу: ты зелён,
Силой прежнею силён.
От ветёлок с понизовья
Я принёс тебе поклон.

Кедр растроганно гудит.
– Лезь-ка наверх, – говорит, –
Погляди, каким пожаром,
Не сгорая, лес горит!

Я взобрался. Мать честна!
Что друзья и что жена?
Отчитаюсь перед ними
Пламень-листьями сполна!

Где-то пискнул бурундук,
Я качнул тяжёлый сук,
Шишки наземь полетели,
Застучали: тук-тук-тук.

А в ущелье далеко
Виснет радуга легко.
Там поток ворчит нагорный
И вздыхает глубоко.

Дождь утих, и по трубам стекает вода,
Темнота наплывает, сгущаясь.
Я, наверно, привык покидать города,
Потому что не плачу, прощаясь.

Я всегда в них заездом, на несколько дней.
Площадь крылья свои распластала.
Ты из тех (и ты первая в жизни моей!),
Что идут провожать до вокзала.

Я курю и молчу. Ты меня извини,
Если выгляжу чуть неуклюжим.
Я смотрю на тебя, я смотрю на огни
И на чьи-то ботинки по лужам.

Ты вздыхаешь: «Пиши». Я вздыхаю: «Ага».
Сигаретная падает искра.
Вот и пятый вагон. Шаг. Ещё полшага.
Ты прижалась, ты шепчешь мне быстро.

Засипели колёса. Я что-то кричу,
Но уже со ступенек вагона,
И ладонь по твоим по кудрям и плечу,
Словно лист, облетающий с клёна...

Две бабочки жёлтых летали
Над мокрой тропой в лесу,
И свежие щепки блистали,
И вился комар на весу.

Кричала какая-то птица,
И щёлкала хвоя вокруг,
Зелёные прятались лица
За чёрным скрещением рук.

Что с хвоей творилось, не знаю,
Воспряла от зимнего сна,
Омытая дождиком к маю,
Трещала по лесу она.

Потом догадался я: шишки
Раскрылись навстречу лучам!
В ложбине валялись покрывки,
И трубы, и всяческий хлам.

А я, в два крыла за спиною
Слетев, будто ангел с небес,
Шагал по тропе, и за мною
Следил настороженно лес.

Зелёные тайные лица
За чёрным скрещением рук,
И свежие щепки, и птица,
В кустах замолчавшая вдруг.

И полосы света сквозные,
И трубы, и хлам, и роса...
Мы – люди, мы – вепри земные,
А метим туда ж – в небеса.

Смыло полою водою
Переход, как назло,
И капусту под горою
До верхов залило.

Ты снимаешь свои тапки,
Завязала шнурки.
На лице дождевки-крапки,
Как горошинки.

Ты ко мне подходишь ближе.
Я стою и смотрю.
Говоришь мне: «Ну, бери же!»
«Что ж, давай», – говорю.

Я несу тебя направо,
На тот берег несу,
Улыбаешься лукаво
На руках, на весу.

Я не знал тебя такую,
Я вслепую бреду,
Обнимаю и целую.
И у всех на виду...

Уложил я поленья, лучину поджёт,
Хлопнул дверкой. Давай у огня
Посидим оба-два, закадычный дружок,
Ты послушай, послушай меня.
Разгорелась берёза, трещит под плитой,
В поддувало роняя золу.
Через дырочку лучик скользит золотой
И играет дрожмя на полу.
Ни вселенских проблем (я до них не дорос),
Ни премудрости некой другой.
Просто вьюга метёт, просто будет мороз
Перед утром, поверь, дорогой..
А ещё я скажу (ты подкинь-ка дровец,
А не то прогорит камелёк),
Мне приснился недавно покойный отец,
Но его разглядеть я не мог.
Он стучался мне в двери и в душу мою,
Спал и видел я тень у крыльца,
Я живу, словно встал на осклизлом краю,
Не поднять и не спрятать лица.
Оступлюсь – и лети себе в тартарары,
Ветер гнёт и качает меня,
И не видно внизу, у подножья горы,
Ни реки, ни домов, ни огня..
Сыну я помогу до предельности той –
Всё отдам до кровинки ему.
Только будет ли лучик играть золотой?
Только буду ли сниться кому?

ЛОСИ

На краю небольшого селенья
Загорелся огонь и потух,
И дома, и складские строенья
Огласил песнопеньем петух.
И опять засветилось окошко
В том же самом дому на краю,
И шарахнулась шальная кошка,
Потревожив у прясел свинью.
Через мостик ухлопно и тихо
Простучала тележная ось,
И выходит из леса лосиха,
А за нею рогатистый лось.
И стоят они в лёгком тумане
На виду у округи у всей...
У ручья на приземистой бане
Загагала стая гусей.
И подойником звякнула тётка,
И взревел, и зафыркал мотор,
И куда-то на «ижике» ходко
Мужичок в телогрейке попёр.
Всё задвигалось, всё зазвучало,
Солнца луч прострелил тополя.
Для лосей это было начало
Их красивого бега в поля.
Маханув через пахоту к лесу,
Меж деревьев исчезли густых.
По какому пришли интересу?
Что тянуло к селению их?
Любопытство, нужда ли? Не будем
Мы гадать у намокших плетней.
Просто верят пока ещё людям,
И деревьям, и силе своей.

Приходила в кофте яркой,
Стыли росы в лебеде.
Мы садились под бояркой
И ещё не знаю где.

Дотемна с тобой сидели,
Выбирали по звезде,
Петухи за речкой пели
И ещё не знаю где.

Мы с тобою целовались,
Хоть и знали: быть беде.
На губах следы остались
И ещё не знаю где.

От дыханья суховея
Вянут входы в борозде...
Весь осыпался в тебе я
И ещё не знаю где...

АРХЕОЛОГ

Нахожу ли кувшин под песками,
Пыль смахну – и как будто вчера
Припадала к кувшину губами
Узкоглазая дочь гончара.

Копошился отец у горнила
Вислобровым угрюмым сычом.
Дочь о чём-то отцу говорила,
Никому не известно о чём.

Всё забыто. И зябко по коже.
Что со мною? Наверное, страх.
Я умру, и когда-нибудь тоже,
Может быть, откопают мой прах.

Посочувствуют: «Экий, однако».
Подберут и осмотрят до крох.
Я – пришелец из вечного мрака,
Представитель далёких эпох.

Догадаются: жил не по-царски.
Но откуда додуматься им,
Что носил я усы по-татарски
И любимыми не был любим?

Что когда-то под солнцем палящим,
Археолог, в краю нежилом
Я бывшее искал в настоящем
И грядущее видел в былом?

Мама варежки вязала,
Слёзы капали из глаз,
Подала мне и сказала:
«Ты послушай мой наказ.

Может, многое забудешь,
Но одно не позабудь:
Тише едешь – дальше будешь,
Дальше едешь – тише будь».

Трутся варежки в дороге,
Я отрепочки в поlying,
Вьюги кланяются в ноги:
«Не спеши, – гудят, – остынь.

Может, многое забудешь,
Но одно не позабудь:
Тише едешь – дальше будешь,
Дальше едешь – тише будь».

По-над пропастью крушины,
Виснут корни на краю.
Пляшет кузов, стонут шины,
Я прищурился, пою:

«Может, многое забудешь,
Но одно не позабудь:
Тише едешь – дальше будешь,
Дальше едешь – тише будь».

Не сорваться бы мне, то есть
Об пенёк да головой.
Вот и вся, наверно, повесть,
Мой товарищ дорогой.

Может, многое забудешь,
Но одно не позабудь:
Тише едешь – дальше будешь,
Дальше едешь – тише будь».

А шапка в белой оторочке,
А волос кольцами поник.
На остановке в заветрочке
Ты отряхнула воротник.

И, всех глазами заливая,
Спешешь туда, где толчея,
И вот уже внутри трамвая
Исчезла сумочка твоя.

А я (да что ж это со мною?)
Стою в сторонке на снегу,
А мне бежать бы за тобою,
А я стою – и ни гу-гу.

Я слышу сквозь оцепененье,
Как пала с провода звезда.
Ещё какое-то мгновенье –
И ты уедешь навсегда.

Вдогон снежинки отлетают,
Далеко скрипнут тормоза,
И в небе медленно растают
Твои огромные глаза.

НА БАЗАРЕ

Всюду шум и толкотня.
Вдруг окликнули меня.
Это тётя, тётя Мотя,
Бровь с отливом, иссиня.

– Ха! – кричу я, и причём
Пар клубится над плечом,
Пробираюсь к тёте Моте:
«Чем торгуешь и почём?»

А она мне тычет в бок:
«Ты послушай-ка, сынок,
Помнишь нашу-то бурёнку?
Провалилась в погребок».

Я для вида потужу,
Вдоль прилавка погляжу.
– Тётя Мотя, нынче спутник
Запустили, – я скажу.

А она мне: «Ну и что ж?
На-ка семечек. Берёшь?»
Ах ты, тётя, тётя Мотя,
Как ты, тётя, не поймёшь?

А она мне: «Ты к пяти
(Всё равно ведь по пути)
Заходи к нам на пельмени
И пластинки прихвати».

Сдвину шапку до бровей:
«Сыпь-ка семечек скорей!» –
И айда. У тётки Моти
Дома трое дочерей.

Ты права. Мы и впрямь как чужие.
Повинуюсь тебе. Так и быть.
Мне с нуля начинать не впервые.
Помня всё, можно всё позабыть.

Мне с нуля начинать по привычке.
Жаль, привычка немного не та.
Да и время сгорает как спички:
Глядь-поглядь, а коробка пуста.

Жаль ещё, что, тебя покидая,
Я холодные речи веду.
Лунным светом аллея ночная
Залита в поселковом саду.

Может быть, на каком-то вокзале
Через многие годы, потом,
Мы столкнёмся с тобой, но едва ли
Полыхнут наши щёки огнём.

А ведь был же тот сад поселковый.
Ты да я да слова невпопад!
То ли снег, то ли пух тополёвый
Позасыпал посёлок и сад?

А ведь было же! Помнишь? Аллея,
Ты да я да внакидку пальто.
Кто там бродит и шепчет, робея?
То ли ты, то ли я, то ли кто?

Закрыли небо облака,
Слетают с тополя пушинки.
Ну что, скажите, за река:
Ни чебака, ни пескаринки?

И вот поди её возьми,
Течёт себе тиха и плавна!..
На берегах реки Томи
Томится Марья Николавна.

Она с рыбалки ждёт его,
Который вечером приходит
И снасть кладёт, и ничего
Насчёт ухи не происходит.

Она (куда такого деть?)
Ворчит с улыбкою угрюмой:
– Ведь не клоёт. Чего сидеть,
Как тот Ермак, объятый думой?

Хоть ты таёжный человек –
Родился, вырос на урмане,
Но поедашь только хек,
Что изловили в океане.

И всё ж рыбак непобедим,
Башкой мотает, не сдаётся.
И хек жуёт. И хек бы с ним,
Но хек засох и не жуётся:

– Ничо! Поймаем чебака!
Вода как будто убывает! –
И рыжий квас из порошка,
Зажмурясь, залпом выпивает.

КИСТЬ

Художник весь день рисовал
На радость себе и на муку
Лица просветлённый овал,
Листвой затенённую руку.

С картины глядели глаза,
Щека, проступая, алела,
Вилась, поднималась лоза
И кисть виноградная млела.

Под вечер художник устал.
Он встал, постоял у картины,
И к шкафу прошёл, и достал
Немного вина и маслины.

Он слышал, как в дальнем углу,
Покинув, наверное, норку,
Мышонок грызёт на полу
Сухую какую-то корку.

А сумрак густел, наплывал,
Всё кутал и прятал от взгляда,
В пятно превратился овал
И в кляксину – кисть винограда.

Художник (и так испокон)
Парадных не требует спален,
Он лёг на кушетку, и сон
Был смутен и очень печален.

Туманилось лоно реки,
И рощица ветви клонила,
И кисть чьей-то женской руки,
Прощаясь, звала и манила.

Прощаясь, прощала того,
Кого так гнала и любила...
И вот уже нет ничего.
А было ли? Может, и было...

Стекают струйки с валуна,
В корягах пена тает пышно.
Шумит поток, шумит сосна,
Но шума хвойного не слышно.

Кедровка села, и опять
Я вижу: клюв-то разевает,
Кричит, но крика не слышать,
Как будто села и зевает.

По косогору по всему
Телята в травах аж по брюхо,
И, чтоб сказать друг другу «му»,
Они подходят ухо в ухо.

Шумит поток, шумит-ревёт,
Цветную радугу кольшет,
И мне аукнуть бы, да вот
Никто, наверно, не услышит.

Далека, недоступна, желанна...
Я придумал тебя, и со мной
Облик твой, как обрывок тумана,
Ветерок над поляной лесной.

Я люблю эти грёзы, но часто
Я себя на нелепом ловлю:
По каким-то законам контраста
Эти грёзы я странно люблю.

Тку и тут же по нитке, по нитке
Распускаю – и вдруг пустота.
Где же ты, у какой ты калитки,
Та земная и смертная та?

Может, выдумка – высшее счастье,
Но сегодня одним я прошит:
Я хочу, чтоб мелькало запястье,
Чтоб я слышал, как платье шуршит.

Я дикарь, я угрюмый отшельник,
Но сегодня хотелось бы мне,
Чтобы руки твои как опшейник,
Чтобы губы твои как в огне.

НА ТЕЛЕЦКОМ

Шумит и хлещет озеро. Куда б
Ни глянул – всюду горы, а по ним
Лес громоздится дик и кухтолап,
И тучи прут, расхристанные в дым.

А волны – кобылицы без удил,
Оскал зубов да бешеная прыть.
И кажется, на свете нету сил,
Которые могли б их укротить.

И день, и два такая вот беда.
И плыть нельзя, и дома невтерпёж.
Когда б вода, конечно, как вода,
А с этой что, с погибельной, возьмёшь?

Но волны стихнут, вроде не всерьёз,
Но стихнут, разбиваясь о гранит.
А ночью подкрадётся вдруг мороз
И озеро, как есть, перехитрит.

Оно проснётся рано поутру,
А берега уж настылью звенят...
Оно вздохнёт, застонет на ветру
В сырой и неприглядный снегопад.

Уплыл таймень на зимний на постой,
И до весны не звякнут якоря,
Лишь озеро на закрути пустой
Гудит, ломая льдины и бугря.

Хлопья снежные, будто голуби,
Опускаются возле проруби.

В воду падают птицы белые.
У тебя пимы индевелые.

Зачерпнув воды, выпрямляешься,
Вся пушинками обрамляешься.

Коромыселко да ведёрочки,
Ты идёшь-плывёшь из-под горочки.

Спешу к тебе, я бегу к тебе:
– Дай, милая, помогу тебе!

Ты потупилась оробелая,
Вся в снегу стоишь белым-белая.

Взял ведёрочки я с коромыселком –
Ах как снег летит по-над выселком!

ОБЛЕПИХА-ЯГОДА

Ещё не всё видать из-за тумана,
Но над хребтом лишь солнышко взойдёт –
И вот она, долина Чульшмана,
Здесь облепиха-ягода растёт.

Зверёк какой-то выкатился с визгом,
Мелькнула тень крылатая – орёл,
А ягода повсюду желтобрызгом
Над тёмною рекой как ореол

Кольшется, в лучах переливаясь.
А ягода, ты только посмотри:
Одна к одной, да крупная на зависть,
Со слёзкою, с подплывом изнутри.

От узких листьев зыбистые тени,
А ягода янтарна до чего!
И кто сказал, что жёлтая – к измене?
Она не обманула никого.

Висит себе по низеньким кусточкам,
Целебным соком, сладостью пьяна.
Я похожу немного с туесочком,
Глядишь, уже посудина полна.

Когда в ночи намаянной не спится,
Когда болезни мучают в ночи,
Сумеет облепиха заступиться...
Лечи, моя хорошая, лечи!

Лечи людей от боли от телесной,
Всех возвращай на прежние круги.
А если можешь, силою чудесной
И от душевной боли помоги...

Давно уж день. Ни тучки, ни тумана.
С кедровкою кедровка говорит.
Шумит пихтач в долине Чульшмана,
И желтобрызг по кустикам горит.

Волна уснула, не играет,
Висит над скалами луна.
Мои лопатки подпирает
Большая, мягкая копна.

Свежо и сладко пахнет сено,
И всюду тишь, и всюду сонь,
Сижу – и локоть на колено,
И подбородок на ладонь.

Собака взлаяла и смолкла,
Бежит ко мне, бежит сюда,
Хозяин кличку дал ей – Смолка,
Её кормлю я иногда.

Блестит залив, некруто вогнут,
Костра мигает дальний свет,
Стоят кусты, стоят, не дрогнут.
А вот и Смолка. Ну, привет!

Туман к воде спустился низко,
Упала капелька, звеня.
Куда б ни глянул – всё так близко
И так далёко от меня.

Куда бы я ни кинул взоры –
Не понимаю ничего.
Здесь всё моё: луна и горы,
И ни сучка нет моего...

Хорошо бы собаку купить.

И. Бунин

Заливался ручьями апрель,
А под май, как нечистая сила,
Налетела с низовья метель,
Закружилась в посёлке, завьгла,

Позаляпала снегом дома,
У крылец накидала сугробы.
Неужели обратно зима
Воротились? Да нет, не должно бы.

Всё же май. А метель как пришла,
Так и вышла – летуче и споро,
Только грязь до колен развезла,
Люди топчут тропу у забора.

Я идти никуда не хочу,
Буду дома сидеть – я таковский.
Телевизор на праздник включу,
Погляжу на парад на московский.

Чую – вроде бы зябко ногам.
И мозжат. Намотал по болотам.
Стой! А кто на экране вон там?
Николокин Иван или кто там?

Обознался... А марши гремят...
Эх, когда-никогда, а сумеет бы
Повидать институтских ребят
И ребят у ребят посмотреть бы!

Буду комнату «Примой» коптить.
Вечер стрелки поставит на девять.
Мне ещё бы жирафа купить.
Но на Севере что ему делать?

Мы сидели у копёшки
И глядели на огонь.
Я печёные картошки
Выгребал – и на ладонь –

И кидал тебе: «Попробуй,
Можешь брать, не горячо!»
А потом своею робой
Я укрыл твоё плечо.

Ты припала, прикорнула,
От костра струился жар.
– Потушил бы, а? – зевнула. –
Не дай бог, ещё пожар.

– Где? – зевнул я, наблюдая
Лёгких искорок полёт. –
Не пугайся, дорогая,
До пожара не дойдёт.

Ты смеялась, и я видел
Катный жемчуг под губой.
Как себя я ненавидел,
Что вот так веду с тобой!

Тары-бары-растобары,
Сам натянут как струна.
Ведь бывают же пожары –
И солома не нужна.

Уборку только распочали,
Хлеба свалили – и дожди.
И бригадир сидит в печали –
На мир хоть вовсе не гляди.

Тут морокуй и так, и эдак –
И всё не то, не то, не то.
Жена приходит от соседок
И говорит про чёрт те что.

А борщ, кажись, пересолила
И хлеб, кажись, недопекла...
И ничегошеньки не мило.
Мужик встаёт из-за стола.

Жена взглянула и умолкла,
Соображая, что к чему.
Дожди, мокреть, земля умокла.
Ишь, сам-то тучею в дому.

А кто виною? Мы же, бабы.
Ишь, глазом, глазом-то сечёт.
Эх, кабы волошка моя бы,
Я б навела дождям учёт!

И улыбнулась, и прижалась
К плечу сердитому. И пусть!
Когда б не наша бабья жалость,
Куда бы их мужская грусть?

И отстранилась, и запела
Тихонько так, без всяких слов.
Калитка хлопала, скрипела,
Лил дождь без молний и громов.

Р. Р.

На столике шарф белоснежный,
Перчатки и сумочка – лак.
Я с вами весёлый и нежный
И кроткий... Ведь надо же так!

С другою я смог бы едва ли,
А с вами легко быть таким.
Я рад, что и знать вы не знали,
Каким я бываю плохим.

Себя мне до дна не измерить
И краше не выдумать вас...
Ах, дайте мне дольше поверить
В такого, какой я сейчас!

Ничего не говори,
Ничегошеньки.
Занавеска у двери
Вся в горошинки.

Печь белёная на две
Греет комнаты,
Твои руки к голове
Плавню подняты.

Ты гребёнкою ведёшь,
Волос падает,
Золотая его дрожь
Взгляд мой радует.

Волос падает туда,
Куда клонишься.
Вот такую навсегда
И запомнишься.

Дым морозный за окном,
За оконышком
Протянулся волокном,
Волоконышком...

К РОДИНЕ

Травинка моя всхожая,
Росинка моя, Русь,
Чего же я, чего же я
Никак не разберусь?

И я живу затеями,
И я не без того.
Зачем мы просо сеяли –
Чтоб вытоптать его?

Копытами, копытами
Под гиканье и вой...
О чем ты, Русь, ракетами
Лопочешь над водой?

Дороженьки обозные,
Колёса по пыли,
Ребяга краснозвёздные
В окопах полегли.

И дым ещё качается,
И выстрел не затих...
Но так уж получается:
Живые – для живых.

Малиновка доверчиво
Порхает над плечом.
Грустить бы вроде нечего,
А слёзыньки ручьём.

Мне скажут: «Деревенщина».
Хихикнут: «Размазня».
Но есть на свете женщина
Святая для меня!

Росточком невысокая,
С косынкою в горсти,
Прости меня, далёкая,
Родимая, прости.

Исплаканы, измучены
Глаза твои в тоске.
Печальные уключины
Корлычут на реке.

Из лодочки я выпрыгну,
За плечи обниму.
По берегу, по выгону
Пойдём мы, как в дыму.

Склонюсь у дома низко я
До самой до земли.
Сторонушка сибирская,
Прими и исцели!

Полнеба как пожарище,
Мурашками озноб.
Гляжу я немигающе,
И дышится взахлёб!..

А зорька разгорается.
А горечь отлегла.
И песня вырывается,
Как птица – в два крыла!

Ни попутки, ни огня.
И, куда ни кину взоры,
Предрассветные просторы
Наползают на меня.

Убежал за согра зверь.
Крякву тянет на пожинки.
На перине бы у жинки
Приугреться бы теперь!

Но она не спит теперь –
За тетрадки села, знаю.
До сучка припоминаю
И порог избы, и дверь.

Плечи мне натёр мешок,
На ноге скрипит ботинок...
Наклевался звёзд-крупинок
Красный месяц-петушок.

ВОРОБЕЙ

Воробей залетел через форточку,
И вдогонку вечерний мороз
Бросил мелкого инея горсточку,
Тихо скрипнул ветвями берёз.

Воробей, маскируя смущение,
Отряхнулся, поправил крыло
И чирикнул на всё помещение,
Поглянулось, наверно, тепло.

Что ж, пернатый, живи, коль получится,
Но отпляшет ручей по горе,
Твоё пташечье сердце соскучится
По провислым жердям во дворе.

Будешь биться о стёкла оконные
И проситься, проситься туда,
Где поленицы спят запylённые
И лопочет в ночи лебеда.

БЛУДНЫЙ СЫН

Блудным сыном древнего сказанья,
Жертвою скитаний и дорог
Я пришёл к тебе на покаянье,
Позабытый всеми уголок.

И стою, как будто бы нездешний,
До кровинки здешний человек...
Улетели птицы из скворешни.
Скоро ночь. А ночью будет снег.

Чужим языкам не обучен,
Глаголы зубря второпях,
Я был бы измотан, измучен
В далёких заморских краях.

Без гида (ведь так интересней!),
Без всяких подглядок, один
Гонялся бы всюду за песней
Асфальта, домов и витрин.

Толкался бы между прохожих,
Как будто кого-то искал.
О чём они шепчут в прихожих,
Гадают о чём у зеркал?

Что снится им сладко и мерно
При ихней полночной луне?
Живут как живут и, наверно,
Не знают ничуть обо мне.

Какое им дело, что кто-то
В неведомой русской земле
За клоквой ходил на болото,
И вирши слагал о селе,

И девушке в локонах рыжих,
Как самый заядлый бахвал,
Восторженно врал о Парижах,
В которых вовек не бывал?

Летели ветра за урманы,
Коробился неба брезент.
Ах, страны, далёкие страны,
Отрывки цветных кинолент!

ВАН ГОГ

Косматое, низкое небо.
Пора холодания рек.
В поля недожатого хлеба
Уходит больной человек.

Уходит, как тень, отрешённый,
С лицом до землистого сер.
В кармане лежит воронёный,
С надёжным курком револьвер.

И ствол ещё дремлет, и пуля
Ещё не сказала своё,
Но, словно кого карауля,
Слетается в круг вороньё.

На тропке встречаются двое.
И тот, и другой – человек.
Затем, чтобы (надо ж такое!)
Уже не встречаться вовек.

Шагнули... ах, люди, не верьте,
Что время течёт, как вода.
Один через смерть – и в бессмертье,
Другой доживать – в никуда.

И всё: только в теле усталость.
Рука шарит по земли. Жив.
– А грусть всё равно бы осталась, –
Он скажет, ресницы смежив.

Ни друга, ни сына, ни брата,
Хоть брат наклонился над ним.
Тяжёлая в доме утрата,
Но мёртвый мешает живым.

Редееет косматое небо,
Местами пробился закат.
С полей недожатого хлеба
Зловещие птицы кричат.

В ТРАМВАЕ

С блеском голенища,
Новый пиджачок.
– Экая жарница! –
Квохчет старичок, –

На хлеба усушка,
Потому беда...
Слушает старушка:
– Да, – кивает, – да.

Тормоз. Остановка.
И в моё плечо
Тётенька неловко
Стукнулась.
– Ничё, –

Говорю, – бывает.
А она, ворчмя,
В двери убывает
С вёдрами с тремя.

Прыснули студентки,
Лепятся к стеклу,
Выкруглив коленки
В узком подолу.

Я в сторонке встану,
Глядь себе, поглядь,
Встану, перестану
Тётенькам мешать.

Еду себе, еду.
Дребезжит стекло.
Моему соседу
Крупно повезло.

Толстый и плешивый
У меня сосед.
Говорит: «Счастливым
Оторвал билет».

Я не без участия
Брошу взгляд. Ну-ну.
Много ли для счастья
Надо! И вздохну.

СНОВА ДОЖДИК КОЛОБРОДИТ

Снова дождик колобродит,
Треплет листья у ворот.
И куда девчонка ходит?
И кого девчонка ждёт?

Под часами потопталась,
Посмотрела – никого.
Повернулась, засмеялась,
Рассердилась на него.

А на пальчике чернила,
А на зонтике вода,
А девчонка разлюбила,
Разлюбила навсегда!

Расколись на части небо –
Ей, девчонке, наплевать!
Пожуёт за чаем хлеба,
Почитает – и в кровать.

Тихо всхлипнет, засыпая, –
И печаль скатилась вся,
Будто капля дождевая
С белокрылого гуся...

Стояла женщина в кустах,
Малину обрывала,
С полуулыбкой на устах
По ягодке жевала.
Слегка прикусит, подождёт,
Задумается вроде...
Какая славная растёт
Малина в огороде!
Я плохо сделал или нет,
Но взял и спрятал где-то
В глуби души на много лет
Видение вот это.
Совсем не вещь и не моя,
Живя своей судьбою,
Не знала женщина, что я
Увёз её с собою.
Увёз, не думая ничуть,
Не ведая сначала,
Что после, где бы ни ступить,
Она во мне звучала.
Проснусь в полуночной тиши
От боли и печали,
На дне встревоженной души
Глаза её мерцали.
Ну кто она? Ну что она?
Для сладкого мученья
Жила во мне, освещена
Огнём воображенья.
С полуулыбкой на устах
Вот так и представала:
Стояла женщина в кустах,
Малину обрывала.

Поля и околки всё те же,
Всё тот же бескрайний размах,
Но вот почему-то всё реже
Поют перепёлки в хлебах.

А вербой поросшая речка?
А рыбка – занозистый ёрш?
Как раньше, с глухого местечка
Уже на уху не возьмёшь.

А может, мне кажется это?
Но осенью, как ни жалею,
А больше в стихах у поэта,
Чем в небе, летит журавлей.

И рыбка, и та перепёлка,
И в небе журавль... – Ну и что? –
Мне скажут. – Не слишком ли мелко?
(Тьфу, рифма какая!) И то.

Однако из памяти сердца
Не выкинуть горестный вид.
К тому же оградная дверца
Весь вечер скрипит и скрипит...

Я сижу на брёвках у ворот,
На нос кепка свалится вот-вот.
Я сижу и семечки шелкаю,
Слушаю, как радио орёт.

Завтра я оставлю этот дом,
А сегодня снова да ладом
Говорю с хозяйкой о погоде,
И о том немного, и о сём.

А она, хозяйка, говорит,
Что у ней желание горит
Прокатиться в лодочке-долблёнке
Вдоль осок прибрежных и раки.

Говорю: «А если ты того...
Кувыркнёшься в воду?» – «Ничего!
Был бы рядом ловкий да надёжный,
Я бы зацепилась за него».

Зыбится туманами река.
Завтра я уеду, а пока
Не пройтись ль нам, не прокатиться?
Пусть река, как море, глубока.

Я не против даже понырять.
Если что, могу и в другорядь
Понырять. Ведь я в командировке.
Кроме кепки, нечего терять.

Я сижу на брёвках у ворот,
На нос кепка свалится вот-вот.
Я сижу и семечки шелкаю,
Слушаю, как радио орёт...

КРУЖКА ПИВА

Забыл, зачеркнул – и не знаю!..
А было, однако же, а?
С аванса весёлая к маю
Гудит, понимаешь, братва...
Мы кинцику молча киваем,
К буфету проходим втроём,
Мы пену, конечно, сдуваем,
А пиво, конечно же, пьём.
За рыбкой ли там, за соломкой
Мы все благодущны вполне,
Мы даже довольны солонкой
С крупинками соли на дне.
Буфета фанерные стены
Уже не отчистишь ничем.
Какое же пиво без пены?
И пена без пива зачем?
Течёт разговор несмолкаем
За тем ли, за этим столом.
Мы пену, конечно, сдуваем,
А пиво, конечно же, пьём.
И где оно, пьянки болото?
Но вот прокрутилось кино
И время, как пену, кого-то
В безвременье сдуло давно.
И вышито пиво до донца.
Россия. Канава. Загул.
И кинцик с глазами японца
В своей кинобудке уснул.
Уборщица, сняв паутину,
Трёт стены до самых крылец.
Какую смешную картину
И жуткую выдал стервец!

РЯБИНА

Сесть на электричку и уехать,
Словно в воду кануть, и друзья
Пусть потом выпытывают: – Где хоть
Тайная зазнобушка твоя?

– Почему зазнобушка? – отвечу, –
Просто я тогда на склоне дня
Укатил из города на встречу
С молодой рябиной у плетня.

Там стояла, помнится, избушка
По карнизу с тонкою резьбой,
У рябины, помнится, из ушка
Виснул месяц светло-голубой.

И листва неслышная срывалась,
Упадала мягко на крыльцо,
Ну а то, что створка открывалась,
Улыбалось девичье лицо,

Я, друзья, рассказывать не стану.
Самому не верится. Зачем
Предаваться сладкому обману?
Было вроде так, да не совсем.

Лишь одно могу удостоверить,
Что была рябина у плетня,
Перед ней мудрить и лицемерить
Не хватает силы у меня.

Девушка, не бойся, много не убудет,
Если сяду рядом, об руку рука.
Завтра, я не знаю, будет ли, не будет,
Но сегодня, знаю, есть наверняка.

Есть! И это точно: сердце колотнулось,
Захлестнулось кровью, как волной баркас.
Ты качнула ветку, тихо улыбнулась.
Ах, о чём, о чём ты думаешь сейчас?

До чего же взор твой безмятежно светел!
Ты к воде склонилась, я клонюсь туда...
Даже в речке проседь я свою заметил
И ещё заметил – как ты молода.

Встретились глазами и, не разгибаясь,
Прыснули в полсмеха, а потом сильней.
А потом ушла ты. И осталась зависть,
Пальцев цепененье, сдвинутость бровей.

Плащ твой, словно птица, пырхнул у мосточка.
Нет, я не окликну, вслед не побегу.
Я сорву с той ветки жёлтых два листочка,
С той, что ты держала, и поберегу.

Лампочка моргнула и погасла.
В комнате и тихо и темно.
Навалясь на выгнутые прясла,
Ночь сослепу пялится в окно.

Распахну я створчатые рамы,
Спрыгну наземь, ворот расстегну.
Вётлы, как языческие храмы,
Отошли торжественно ко сну.

Долетают посвисты с болота.
Я стою, былинку теребя...
Боже мой! Да как же мне охота
В эту ночь обманывать себя!

Будто вновь я молод и беспечен
И своею силой упоён,
Никакой бедой не искалечен,
Счастьем никаким не обделён,

И ещё не вышиблена пробка,
И ещё не вышито вино!..
Это я застенчиво и робко
Приглашаю девочку в кино.

А она – с косыночкой на косы –
Ни на шаг от дома своего...
До утра смолю я папиросы
И брожу, не встретив никого.

Тропинка берегом вела,
И вдруг я бабочку заметил:
Сама вся чёрная была,
А краекрылышек был светел.
Дрожмя мелькнула над кустом
И скрылась в чаще за кустами.
Весенний снег лежал пластом,
Уже протаянный местами.
Тайга дышала ветерком
И солнцем. Выше от болота,
На бугорке на небольшом,
Играли школьники во что-то.
Девчонка, ростиком мала,
Тянулась к вербочке пригретой,
Сгибала ветки и рвала
И забавлялась как конфетой.
Не зря принёс я туесок.
Я вынул нож и у берёзы
Бороздку вырезал, и сок
Закапал – радостные слёзы!
Живём, красавица, живём!
Уж как зима-то ни бесилась!
Она бы съела нас живьём,
Да ничего не получилось.
Попью – и сладостный дурман
Как бы накатит. Две недели
Тому назад из дальних стран
По небу лебеди летели...

В безбрежье северных широт
На островке всё это было:
Битком набили вертолёт,
Собакам места не хватило.

Машину, словно стрекозу,
Швырнуло ветром над волнами,
Но вертолёт крутил винтами,
И островок исчез внизу.

Среди пустынных голых скал
На гибель пять собак осталось;
Конечно, каждый испытал
К ним сострадание и жалость,

Кто улетал. Но вертолёт
Не из резины. Да к тому же
Погода делалась всё хуже,
Гляди, самих перевернёт.

А через год на островок
Вернулись люди – и представьте! –
К ним по камням наискосок
Неслись собаки в шумном гвалте,

И подбегали, и толклись,
И у людей лизали руки,
Как будто не было разлуки,
Как будто только разошлись.

И ни у той, ни у другой –
Ни отчуждения, ни злобы...
Кружа косматою пургой,
Визжали, прыгали. Ещё бы!

Вернулись люди!.. Плыл туман,
Мерцала звёздочка во мраке.
У ног людей легли собаки,
В безбрежный глядя океан...

С песнями у светлого пруда
Мы прошли по вешней канители.
Где всё это, милая, куда
Ты сама и песни отлетели?

Долго им, умолкшим, я внимал
Летним днём в разливе густотравья.
Что пророчит – я не принимал –
Мне головка жёлтая купавья.

Ветер по-осеннему с дерев
Рвёт листву и шлёпает на крышу.
И не песни – горестный напев
В проводах колеблемых я слышу.

Из любых я выберусь тенёт,
Если рядом облик твой витает,
Но и он однажды промелькнёт
И в метельной сугтеми растает,

Чтоб потом из облачной дали,
Лишь осядет снег, шурша и тая,
О тебе пропели журавли,
Над моим покоем пролетая...

СЛЕД

Будет такое, не будет?
Встанет, меня не разбудит.

В пубке скользнёт за порожек
И – только след от сапожек!

Ах, не по этому ль следу
Я из ограды проеду!

Выбегу в поле торопко,
Там уже торная тропка.

Льжи выносят из лога,
Нет уже тропки – дорога.

Сколько дороге ни виться,
А к полустанку явиться.

Что же ты крошишься, спичка?
Это не та электричка.

Та уж далече-далече.
Валит мне снег на оплечье.

Стелется всюду безбрежный.
Что ему, снегу? Он снежный.

Что ему то, что когда-то
Кто-то зачем-то куда-то?..

Знаю, сердце твоё колотнётся,
Если где-то среди толчеи
Незнакомка тебе улыбнётся
И вдруг руки протянет свои.

Не спеши. Тут, наверно, ошибка.
Так и есть. У тебя за спиной
Тот, которому эта улыбка.
Не мешай и пройди стороной.

Я никого не опечало,
Когда растрочу вся и всё,
Когда возьму я и отчалою
Из бытия в небытиё.

Положат бранные останки
Мои в посмертную ладью –
И я поплыл. И ни стоянки,
И ни задержки в том краю.

А я вселенную бы вышил,
Лишь повстречать бы в тех местах
Твоих волос пиратских вымпел,
И крик, застывший на устах,

И пламень платья над волною,
И за камнями клочья пен...
Я б кинул якорь под скалою
Вблизи тебя, твоих колен.

А метель бела до снежиночки,
Ой как сердится, гнёт былиночки!

Ой как ластится по-над фарами,
По-над фарами дикошарыми!

Не дремли, шофёр, за баранкою.
Утром ляжет степь самобранкою.

Самобранка та не застольная,
Не застольная, хлебосольная.

Всё вприсыпочку да впритрусочку,
Лишь один снежок на закусочку.

Позабилу им, позасыпало.
Изо рта папироска выпала...

Всё вроде бы в порядке: и семья,
И рифмы иногда, как по заказу.
Но вот осознаю, хотя не сразу,
Томленье духа, тягость бытия.

И мне уж кабинет – не кабинет,
В семейный быт размолвки заползают.
Душа кипит, но мысли увязают.
Смятенье духа, суета сует.

И я бегу, махнув на всё рукой,
И только там уже, на отдаленье,
Я познаю в глухом уединенье
Всю крепость духа, благость и покой.

Чего ещё? Живи себе, живи,
Не чужь за содеянное страху.
И с каждой строчкой словно бы на плаху
Во имя правды и любви.

Мычат телки, хвостами машут,
Весь берег свиньями изрыт,
А волны пляшут, пляшут, пляшут...
А костерок горит, горит...

(Сказал мне егерь Богомолов
Про эти строчки: «Ну, нахал!
Гляди-ка, сколько он глаголов
Для гонорара напихал!»)

А я с углём возьму картошку,
Недопечённую на треть,
И разломлю, и, понемножку
Смакуя, буду вдаль смотреть.

Волна на солнышке блеснула
И – нырь! – пропала меж камней.
Ну что, поэт из Барнаула,
Какую суть открыл ты в ней?

А это пламя? Этот жёлтый,
Дрожмя возникший язычок?
Он появился и, простёртый,
Погас под лёгонький щелчок.

А эти горные вершины?
А эти низом облака?
А эти ягоды крушины,
Дождём омытые слегка?

Всё так. Волна ли это, пламень –
Не удержать, не взять их в горсть,
Неколебим вершинный камень,
И омовенна ягод гроздь.

А егерь белыми клыками
Опять сверкнул: – Как ни крути,
Телки – они всегда телками,
А свиньи – свиньями, учти!

Ветер пыль закрубил по дороге,
Старый тополь тряхнул головой,
И кусты закачались в тревоге,
Зашумели кудлатой листвою.

Тень от тучи затмила долину,
Полонила заречный сосняк,
И дождины упали на глину
Вот такими кругляхами – шмяк!

Я гляжу на картину на эту
И смеюсь, ощущая озноб,
Ничего вполовину тут нету,
Всё с лихвой, без остатка, взаклёб:

И просторы, и ветры, и ливни...
Вспомнил я свояка своего.
Белоснежные крепкие бивни –
Я сказал бы про зубы его.

Как-то раз, осовев от окурков,
За столом мне признался свояк:
– Нет у нас на селе полудурков,
Если есть, то уж круглый дурак.

А дождины летели, стучали,
Наконец подступили стеной,
И закрыл необъятные дали
Разгулявшийся дождь проливной.

А вышло так: от позднего тепла
Проснулась нерастрченная сила?
Черёмуха за баней расцвела,
Хотя уже и осень наступила.

Неубранный прошёл я огород
И встал у новоявленного чуда.
По лепесткам качается, ползёт
Какой-то жук. Зачем он и откуда?

Стряхну жука я в плети повилик,
Нагну цветы и ласково подую
И счастлив тем, что осенью на миг
В себе весну почувал молодую.

От запаха я вроде бы как пьян,
И даже песня тайная найдётся,
И только жаль: черёмуха семян
От этого цветенья не дожждётся...

Молоко душистое парное
Я глотал медлительным глотком,
Полотно прилаживал дверное
И стучал весёлым молотком.

В мускулах поигрывала сила,
Тут хозяйка, тазик вынося,
Через ногу мне переступила
И прошла улыбчивая вся.

Молодое яростное тело,
Родинка над левым локотком.
Загляделся я на это дело
И хватил по пальцу молотком.

Ах, как напугалась, как бежала,
Как несла мне йоду в пузырьке,
Как потом от хохота дрожала,
Наклонясь к пораненной руке!

Вечером картошки наварила,
Выставила банку с молоком,
Ни о чём таком не говорила,
Ни о чём как будто бы таком,

Но светла и шёлком, и собою,
Как со мной управлялась легко!
И струилось тихо над избою
Лунное парное молоко...

А у нас на Алтае кислица
Ох и кислая! Прямо беда.
Тропка, тропка. Следы от копытца,
А в следах голубая вода.

Нет посудыны – скину рубаху,
Насбираю кислицы в неё
И с ладош темноглазую птаху
Покормлю и спрошу про житьё.

Ты в ладоши мне села сама ведь,
Так чего же ты, птаха, молчишь?
Где ты пёрышко бросишь на память?
За какое ты море летишь?

Погляди – уж пора листопада
В нашем тихом заречном краю!..
Ничего от тебя мне не надо,
Только выполни просьбу мою:

Воротись, когда вешняя птица
На гнездовья слетится сюда.
Тропка, тропка. Следы от копытца,
А в следах голубая вода.

ПОДСОЛНУХ

Уже в огороде подсохла ботва
И доземи клён уронил рукава.

И жёлтый подсолнух на пыльной меже
Задумался крепко об остром ноже.

Не в силах отвести от бурьяна лицо,
Он слышит, как скрипнуло тихо крыльцо.

Он чует всем телом чужие шаги,
Но мимо куда-то плывут сапоги.

Опять понесло, и – рябой от семян –
Подсолнух склоняется ниже в бурьян.

Сегодня ли, завтра – не всё ли равно?
Кончайте скорей, если так суждено!

Не надо, подсолнух, не надо, дружок.
Успеешь отведать и нож, и мешок.

Дубинка по шее – и зубы вразлёт.
И плёпнешься шляпой пустой у ворот.

В грязи догнивая в осеннюю муть,
Не раз ты захочешь на солнце взглянуть,

Подняться, встряхнуться, расправить листы...
Да моченьки нету, да очи пусты...

ДОБРАЯ СЛАВА

Осиянный стою под крылом твоим, добрая слава,
Погоди, не спеши, ты успеешь ещё отлететь.
Дай потешиться мне. До чего ж моя жизнь кучерява!
Так и хочется, ворот рубахи рванув, засвистеть

И удариться в пляс. Я учился, поди, в культпросвете...
Полубуйся, какой я сегодня смешной шутолом!
Стучатся каблуки, я летаю, кружусь на паркете,
Чуб намокшей мочалкой свисает, и бровь на излом.

И качаются стены, и люстра двоится, троится.
Не подумай чего там такого плохого. Я трезв.
Просто так вот отец мой когда-то умел веселиться,
Говорят, я в него вышел вроде бы на ногу резв.

Отпляшу и пойду не налево потом, не направо –
Напрямки, в чисто поле, чтоб звонкую песню запеть.
Навещай меня чаще, хорошая, добрая слава,
Я не знаю кому, а мне много бы надо успеть.

И светла звезда Аврора,
И темны домов верха.
Обладатель «Беломора»
На веранду вышел: – Кха!

Дверь открыл, спустился ниже
По ступенькам до земли,
На приткнутой к пряслам лыже
Капли росные легли.

Поднялась, пыхтит корова,
Чиркнул спичкою сосед:
– Как живёшь? – спросил. – Здорово!
– Помаленечку. Привет!

– Ишь, звезда-то.
– Как невеста.
– Я о том и говорю.
Покурили, но ни с места,
Смотрят в раннюю зарю.

Речи мирны и спокойны,
Вскипятила бабка чай..
Вот куда упёрлись войны,
Даже звёздные, включай.

ИВУШКА

Мы с тобою идём по безводной степи
И взываем к дождю: «Окропи, окропи!...»

Но ни капельки с неба. И душно кругом.
Потерпи, дорогая, мы скоро придём.

«Мы придём», – говорю я. Однако же сам
Утешительным этим не верю словам,

Потому что не знаю, где кончится путь.
Может, в балке какой-нибудь нам отдохнуть?

Ты задремлешь, а я превращусь в ручеёк,
И коснусь твоих губ, и коснусь твоих ног.

Ты проснёшься, напёшься, окликнешь меня,
Поглядишь в ручеёк, русы косы клоня,

И поймёшь, и, гоня мимолётный испуг,
Обернёшься плакучею ивушкой вдруг...

ЛЕБЕДИ

Ах, годы, годы!.. Как вас ни лови,
Вы – лебеди – сверкающие перья!..
Лишь взмах крыла – и вот уже поверья
О лебединой песне, о любви.

Сверкнёт перо... и наземь упадёт.
А лебеди... Их много. Вереница.
Скажи мне, окольцованная птица,
Куда летишь и что тебя влечёт?

Гляжу вослед, бывшее вороша,
Любимая (страшит ли увяданье?),
Ты для меня – последнее гаданье,
И мёд, и яд последнего ковша.

А если жест и слово невпопад,
Не замечай, не надо исправлений.
Ты слышишь? Где-то в роздыми осенней,
В дали далёкой лебеди летят...

ЛЕСИСТЫЕ ОТКОСЫ

Лесистые откосы,
Полуразмытый мол.
Убрали трап матросы,
И катер отошёл.

Гудит и воду пашет,
Сам беленький такой.
Не мне девчонка машет
Прощальной рукой.

Не мне, а этим крышам
И кошнам вдалеке –
Всему тому, чем дышим
В родимом уголке.

Белёная избёнка,
Гераневый уют.
Прости-прощай, девчонка,
Не знаю, как зовут.

Но катер уплывает,
Качаясь на волне,
И что-то убывает
Как будто бы во мне.

А дорожка бежит,
Санная, полозная.
А рябина дрожит,
Дымная, морозная.

Клюнь, дроздушка, клюнь –
В снег упала ягода.
Никакой не июнь –
Просто в небе радуга.

А я варежкой – хлоп!
Воздух – будто патока.
Это что там? Сугроб?
Голубая маковка.

Теремок, теремок...
Конь ушами прыгает.
А снежок, а снежок
Падает и падает...

ЧАША

Держу её, стараясь не разбить,
Хрустальную, с узорчатым обводом.
Чем полнится? Отравой или мёдом?
Мне всё равно. Скорей бы пригубить!

Томит ли мёд, отравы ли сильна –
Мои глаза слипаются устало.
А я всё пью. Мне мало, мало, мало!..
А я всё пью, боясь испить до дна.

Шумят развесистые ели,
И слышно дальнее «ку-ку».
Зачем считать? Ах, неужели
Нам будет мало на веку?

Вбираем мир свежо и жадно.
Ты запрокинула висок.
В моей ладони так прохладно
Набух твой крохотный сосок.

Но что с тобою? Прячась будто,
Ты прикипела мне к плечу,
И сладких слёз я почему-то
От горьких слёз не отличу.

И вся ты близкая такая,
И вся ты в дальнем далеке.
А жилка бьётся голубая
На опадающей руке...

С годами кровь стучать устанет
И у тебя, и у меня,
Но лес шуметь не перестанет
В кукушкин час на склоне дня.

Стирается обувь, стирается память,
Пред вечным покоем стирается страх,
И люди уходят в безбрежную замять,
И звёзды сгорают в кромешных мирах.

И я, как туман, откачаюсь – и нету...
И в том я не вижу вселенской беды...
Ах, вы не губите мне реченьку эту,
Где вётры, песок да сорочки следы!..

А кто её губит? Не знаю, не знаю.
Наверное, сам, потому что забыл,
Забыл, как она разливается к маю,
Как поит губастых сельповских кобыл.

Давно я тут не был. Совсем обмелела.
Ни омутов тёмных, ни лодок впритык.
Ступаю по вязкому дну неумело,
Рискуя бултыхнуться в воду. Отвык.

Ах, реченька-речка – моя лопотунья!
Вдали от тебя, от твоих берегов
Строчил я конспекты, а ты в полнолуныя
В себе отражала шеломы стогов.

Бежала ко мне, на ветрах леденела,
А я во все зубья историю грыз –
Вникал, как от крови волна багрянела,
Как трупы чурбашками плыли наниз,

Как в древних песках города погибали
И реки терялись... Седые пески
Свистели, вздымаясь, и всё погребали.
Пустыня... Безмолвное царство тоски...

Стирается обувь, стирается память,
Пред вечным покоем стирается страх.
Теряются люди, ушедшие в замять,
Теряются звёзды в кромешных мирах.

Ах, речка моя – голубые разводы,
Нет, ты не потеряна в сердце моём!
Неси как несла эти чистые воды
Туда, за мосты, за лесной окоём...

Пуškai для меня ты теперь мелковата –
Моя путеводная с детства река.
Мне только плоток, как плоток для солдата,
Что ранен смертельно. Мне хватит плотка.

Ещё берёза густогрива,
Ещё кадушка у крыльца
Стоит с водою для полива,
В воде огрызок огурца.

Ещё бушует в огороде
Сплошная зелень, но уже
Не те стрекозы, да и вроде
Не та крапива на меже.

Поприглядись, и день-то вроде
Не так уж гаснет, как всегда...
На потемневшем небосводе
Легонько плещется звезда.

Ворота ветром распахнуло,
И петли ржавые скрипят,
А по лугам до Барнаула
Кусты ветловые шумят.

Я понимаю, понимаю –
И им не вечно зеленеть,
Но где-то сердцем принимаю
Я эту истину на треть.

Мне так охота, так охота
Поверить в то, что никогда
Не отскрипят мои ворота,
Не упадёт моя звезда.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ПРЕДЕЛАХ ПОСЛЕСЛОВИЯ

I

Поэты перекликаются. Во времени и пространстве. Сегодня и всегда. Чтобы оставаться самим собой, надо с кем-то перекликаться. Зачастую с тем, чей голос звучит совершенно по-другому. А петь анахоретом – дело невозможное и бесполезное.

Вся сокровенная суть поэзии выражена Леонидом Мерзликиным в стихотворении «Слово». Его можно было бы назвать чисто мерзликинским, если бы... Если бы сразу не вспоминался Борис Пастернак:

*О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью – убивают,
Нахлынут горлом и убьют!*

Хотя Леонид Семёнович однажды воскликнул: «Двум поэтам – поэмы одной не писать».

II

Я был поражён, узнав от поэта Геннадия Володина, что Мерзликин писал стихи мучительно медленно, трудно. Как медленно? Как трудно? Ведь мерзликинские стихи, в большинстве своём, читаются легко, певуче!..

Через много лет вдова Леонида Мерзликина, Тамара Ивановна, подтвердила: «Да, Лёня писал очень медленно». Я заново прочитал один его сборник, второй... И понял: какая разница, медленно приходят к поэту нужные слова или быстро он их находит! Главное, чтобы читатель не чувствовал натужности, чтобы строки не пахли потом.

Есть поэты, в стихах которых вроде бы всё хорошо, всё ладно, да вот беда: чувствуется, что написаны они исключительно седалищным нервом. А Мерзликин писал сердцем и душой.

III

Леонид Мерзликин мастерски читал свои стихи. В дружеском ли кругу, на встречах ли с любителями поэзии. На встречах он читал примерно одно и то же – в программу входили стихи с балдинкой, с юмором. В этой книге таких стихов нет,

за исключением, пожалуй, «Закрyli небо облака...», в котором есть, например, такая строфа:

*...И всё ж рыбаk непобедим,
Башкой мотаёт, не сдаётся.
И хек жуёт. И хек бы с ним,
Но хек засох и не жуётся...*

«И хек жуёт. И хек бы с ним...» – это дорогого стоит. Впрочем, на встречах эти стихи Мерзликин никогда не читал. Я, признаюсь, не слышал.

IV

Лирических стихотворений у Мерзликина много. И многие из них написаны размером чуть ли не частушечным. Но есть и совершенно другие стихи, почти классические. Прочитайте хотя бы это:

*Ах, сколько пролито воды
На этот мир, на эту землю!
Ещё не скоро до беды,
Ещё я смех, твой смех приемлю...*

Вбираешь в себя эти строки – и всё частушечное уходит куда-то на задний план. Во всяком случае, в моём восприятии.

V

«Кружка пива» – стихотворение довольно большое. И рефреном в нём – вроде бы шуточные строки:

*Мы пену, конечно, сдуваем,
А пиво, конечно же, пьём.*

Ну да. Сдуваем и пьём, пьём и сдуваем. Дело привычное. И при чём здесь, собственно, пьянка? Мерзликин так и спрашивает: «И где оно, пьянки болото?» И дальше:

*...Но вот прокрутилось кино,
И время, как пену, кого-то
В безвременье сдуло давно.
И вытто пиво до донца.
Россия. Канава. Загул.
И кинцик с глазами японца
В своей кинобудке уснул.
Уборщица, сняв паутину,
Трёт стены до самых крылец.
Какую смешную картину
И жуткую выдал стервец.*

А потому что – Россия. Где от смешного до жуткого даже не шаг – полшага.

VI

Леонид Мерзликин в своих стихах ни разу не назвал по имени речку детства своего – Черемшанку. Назвать не назвал, но всё равно воспел:

*Петуший крик. Падающая звезда.
И над ручьём развесистая ива.
И ты греховна тем, что так счастлива...
А под мосточком катится вода...*

Эти стихи давно стали песней. А Черемшанка – речка невеликая, но местами бурливая, местами крутоярая. Как её можно забыть?! И Мерзликин восклицает:

*Ах, вы не губите мне реченьку эту,
Где вётры, песок да сорочки следы!..*

*А кто её губит? Не знаю, не знаю.
Наверное, сам, потому что забыл...*

Но забыть до конца невозможно:

*Ах, речка моя – голубые разводы,
Нет, ты не потеряна в сердце моём!
Неси как несла эти чистые воды
Туда, за мосты, за лесной окоём...*

*Пуškai для меня ты теперь мелковата –
Моя путеводная с детства река.
Мне только глоток, как глоток для солдата,
Что ранен смертельно. Мне хватит глотка.*

Да, малую родину никогда не вспоминаешь вздохом. Малая родина вспоминается бережно, по глоточку.

VII

Да простит меня Фёдор Михайлович Достоевский, но не верится, что русский человек обречён на всемирную отзывчивость. Хотя... Кто может отзываться – пусть отзывается. Лишь бы помнилось: любить человечество легко, не разлюбить бы при этом своё, родное, не потерять бы, не отринуть. Потому и берёт за душу мерзликинское обращение к Родине:

*Травинка моя всхожая,
Росинка моя Русь,
Чего же я, чего же я
Никак не разберусь?*

А начнёшь разбираться – придёшь к ещё более пронзительному:

*Ты один у меня, мой земной уголок,
С крутоярами синими, с тихими плёсами.*

Вот на это отзываешься. А всемирная отзывчивость – что ж... Любовь не бывает глобальной.

VIII

Философствовать все горазды. Увы, философствуя, можно переливать из пустого в порожнее. А можно написать «Чашу». Всего восемь строк:

*Держу её, стараясь не разбить,
Хрустальную, с узорчатым обводом.
Чем полнится? Отравой или мёдом?
Мне всё равно. Скорей бы пригубить!*

*Томит ли мёд, отравы ли сильна –
Мои глаза слипаются устало.
А я всё пью. Мне мало, мало, мало!..
А я всё пью, боясь испить до дна.*

И даже если чаша не круговая, она рано или поздно обязательно станет круговой. А судьба никого не возьмёт на поруки. Надо только успеть запомнить, что:

*Ещё берёза густогрива,
Ещё кадушка у крыльца
Стоит с водою для полива,
В воде огрызок огурца...*

Всё не то, всё не так, и вместе с тем всё прекрасно и удивительно. И потому вслед за Мерзликиным проникновенно шепчешь:

*Мне так охота, так охота
Поверить в то, что никогда
Не откроют мои ворота,
Не упадёт моя звезда.*

IX

Но шептать, похоже, скоро будет некому. Ни вслед за Мерзликиным, ни вслед за Пушкиным. Россия перестаёт чи-

татъ. Наступает эпоха глухих и слепых – к слову, к поэзии. Зачем поэзия духовно нищим?

В России никогда не было лёгких времён. В какое время ни окунись, во всём – смута и кризис, кризис и смута... А застойный покой или покойный застой – это предопущение смуты. В прежние смутные времена призывали на помощь литературу, спасались ею. А теперь...

Верю, что не всё так плохо. Бесконечных туннелей не было и нет. Но иногда полезно сгустить краски до черноты – чтобы прозреть в темноте, чтобы не впасть в уныние. И тогда почувдится:

*К земле спиною прирастая,
Лежу я тих и недвижим.
Мне хорошо. А суть простая –
Живу под небом голубым...*

И безбоязненно навевается вдруг осеннее:

*Есть что-то в осени шумящей
И остужающей виски
От той тоски, от той щемящей,
Но неосознанной тоски.*

*И вдруг захочется уюта,
И ты так ласков до всего,
И лист падёт, и почему-то
Ты долго смотришь на него...*

Пусть падают листья, пусть. А вслед за листьями слова – на благодатную почву, в которой все наши родовые корни.

*Сергей КЛЮШНИКОВ,
член Союза писателей России,
лауреат краевых премий
имени Л. С. Мерзликаина (2001 г.),
и Н. М. Черкасова (2009 г.).*

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Ягодинцева. Поэтическое наследие Л. С. Мерзликина: востребованность и перспективы изучения.....	3
«У дороги чуть колышется...».....	16
«Лишь восток затеплился, занялся...».....	17
«Черпну ладошкой воду из ручья...».....	18
«Мне, как язычнику какому...».....	19
Из командировки.....	20
«На поля, где узкая дорога...».....	21
«Волосы в пышном узле...».....	22
Кедр.....	23
«Петуший крик. Падучая звезда...».....	24
Домой!.....	25
Заря пылает.....	26
Плыть!.....	27
Посевная.....	29
«Шумит тополина у клуба...».....	30
Слово.....	31
«Берёзы по кромочке поля...».....	32
«Лёгкая курчавая волна...».....	33
«Женщины у баньки веники вязали...».....	34
«Та же самая дорога...».....	5
Бунтари.....	36
«Убежала, скрипнула...».....	37
«Ах, сколько пролито воды...».....	38
«Лошади протопали...».....	39
«Это что так народ обмирает?...».....	40
Провода.....	41
«Гулкий мост, голубая река...».....	42

«Заалет неба кромка...»	43
«Ну что тебе, к примеру, эта...»	44
«В обновочках свежих...»	45
Орёл	46
«То ли по-над озером...»	47
Портрет	48
«Проскрипит кошева полозьями...»	49
Тайные черты	50
«Летний дождь по селу, будто всадник...»	51
Родинка	52
Дорожная пьеса	53
«Бензопилой дрова пилили...»	56
«Над тайгой блеску че и зыбка...»	57
«Заперты киоски и лабазы...»	58
Мёртвое озеро	59
Ворон	60
Предзимье	61
Гладиаторы	62
«К земле спиною прирастая...»	64
«За синий лес, за синие излуки...»	65
Дорога	66
«Пошли предзимние дожди...»	68
Крутояры	69
Берлога	71
«Я глаза просмотрел, ожидая тебя...»	72
«Жизнь отпущена нам небольшая...»	73
«Урчит машина за увалом...»	74
«А кому тут, на промыслах, сладко?..»	75
«Тень от птичьего крыла...»	76
«Дождь утих, и по трубам стекает вода...»	77
«Две бабочки жёлтых летали...»	78
«Смыло полою водою...»	79
«Уложил я поленья, лучину поджёт...»	80
Лоси	81
«Приходила в кофте яркой...»	82
Археолог	83
«Мама варежки вязала...»	84
«А шапка в белой оторочке...»	85
На базаре	86

«Ты права. Мы и впрямь как чужие...»	87
«Закрыли небо облака...»	88
Кисть	89
«Стекают струйки с валуна...»	90
«Далека, недоступна, желанна...»	91
На Телецком	92
«Хлопья снежные, будто голуби...»	93
Облепиха-ягода	94
«Волна уснула, не играет...»	95
«Заливался ручьями апрель...»	96
«Мы сидели у копёшки...»	97
«Уборку только распочали...»	98
«На столике шарф белоснежный...»	99
«Ничего не говори...»	100
К Родине	101
«Ни попутки, ни огня...»	103
Воробей	104
Блудный сын	105
«Чужим языкам не обучен...»	106
Ван Гог	107
В трамвае	108
Снова дождик колобродит	110
«Стояла женщина в кустах...»	111
«Поля и околки всё те же...»	112
«Я сижу на брёвнах у ворот...»	113
Кружка пива	114
Рябина	115
«Девушка, не бойся, много не убудет...»	116
«Лампочка моргнула и погасла...»	117
«Тропинка берегом вела...»	118
«В безбрежье северных широт...»	119
«С песнями у светлого пруда...»	120
След	121
«Знаю, сердце твоё колотнётся...»	122
«Я никого не опечало...»	123
«А метель бела до снежиночки...»	124
«Всё вроде бы в порядке: и семья...»	125
«Мычат телки, хвостами машут...»	126
«Ветер пыль заклубил по дороге...»	127

«А вышло так: от позднего тепла...»	128
«Молоко душистое парное...»	129
«А у нас на Алтае кислица...»	130
Подсолнух	131
Добрая слава	132
«И светла звезда Аврора...»	133
Ивушка	134
Лебеди	135
Лесистые откосы	136
«А дорожка бежит...»	137
Чаша	138
«Шумят развесистые ели...»	139
«Стирается обувь, стирается память...»	140
«Ещё берёза густогрива...»	142
С. Клюшников. Размышления в пределах послесловия	143

Литературно-художественное издание

**Леонид Семёнович
МЕРЗЛИКИН**

ПОКЛОН
Избранные стихотворения

Набор и корректура – О. В. Тихонова.
Вёрстка и оформление – А. А. Карпов.

Сдано в печать – 26.03.2010 г.

Формат – 84х107 1/32.

Объём – 7,98 усл. печ. л.

Бумага офсетная.

Тираж – 1000.

Заказ – 948.

Отпечатано в ОАО «Алтайский дом печати»:
656049, г. Барнаул, ул. Б. Олонская, 28